

АННА МАЛЬШЕВА

Дом
у последнего
фонаря

Анна Витальевна Малышева
Дом у последнего фонаря
Серия «Художница Александра
Корзухина-Мордвинова»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4243065

Дом у последнего фонаря : роман / Анна Малышева: Астрель; Москва;

2012

ISBN 978-5-17-072697-4, 978-5-271-36313-9

Аннотация

Она легко отличает настоящий шедевр от подделки. Она умеет возвращать к жизни старинные произведения искусства. И ей понадобится весь ее опыт реставратора, чтобы восстановить реальную картину преступления.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	34
Глава 3	64
Глава 4	88
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Анна Малышева

Дом у последнего фонаря

Глава 1

Сделав еще несколько шагов наугад, женщина остановилась. Она едва не подвернула ногу, ступив в выбоину на асфальте, и теперь не решалась двинуться дальше, пока глаза не привыкнут к темноте.

Только что отъехавшее такси еще маячило габаритными красными огнями, ныряя в ямы на разбитой и размытой дороге, ведущей от дачного поселка к городу. Александра держала в руке визитку, которую ей напоследок вручил водитель. Внезапно женщину посетило искушение вынуть из кармана телефон и тут же позвонить по номеру на визитке. Вернуть машину и немедленно уехать, пока не поздно.

«Но я не уеду. – Она провожала взглядом огни, горевшие особенно ярко на фоне черного ночного леса. – О нет, я использую этот шанс!»

Таксист, высаживая пассажирку на границе поселка, казавшегося необитаемым, несколько раз переспросил, не подождать ли ее? И так же настойчиво предлагал довезти до самой дачи, хотя Александра нетвердо помнила дорогу, да и ориентиров в темноте не было видно. Она отвергла все

его предложения, и водитель отправился обратно в Москву один. Как только свет фар полностью растворился в ночи, женщина пожалела о своем решении.

«Надо было искать дом вместе, хоть час, хоть два! Толку-то, что есть фонарик, у него давно сели батарейки! И лучше бы повременить с визитом до утра... Но ведь мне сказали ясно: “Приезжайте немедленно!” Лыгин недоверчив, как все коллекционеры, и чудаковат, как все одинокие люди... Если бы я приехала утром, он бы обиделся и попросту не отпер дверь. Ведь я так давно впустую расспрашивала его об этой тайной коллекции! Зная меня семь лет, и только с хорошей стороны, Лыгин все равно скрытничал. И вдруг решил, без всяких причин, ни с того ни с сего... Нет, я рискнула не зря. Осталось лишь найти дом!»

Александре довелось побывать на даче у своего давнего знакомого, любителя и собирателя редкостей, всего один раз. Но и это стало событием из ряда вон. Человек, который сейчас снова позвал ее в гости, слыл настоящим отшельником, и это был самый мягкий из отзывов о нем. Женщине приходилось слышать, как Лыгина называли маньяком и сумасшедшим, как упоминали несколько гнусных комбинаций, на которые он в свое время пошел ради пополнения своих знаменитых коллекций. Некогда Лыгин покинул Москву, без сожалений оставив квартиру, от пола до потолка набитую книгами и редкостями, к которым вдруг остыл. Насколько знала Александра, доступа в эту квартиру никто из его

родни и знакомых не имел. Да и значили ли для него что-то слова «родные», «знакомые»? Удалившись в свой старый дачный дом, этот мизантроп почти полностью порвал связи с внешним миром. В шестьдесят пять лет, в том возрасте, когда люди начинают особенно ценить родственные и дружеские связи, Лыгин ни в ком не нуждался. Круглый год жил один, никого не зовя в гости. Раз в месяц, как знала женщина с его собственных слов, коллекционер пешком отправлялся в ближайший городок. Прогулка составляла пять километров и отнимала у него два часа. Обратно он возвращался на такси, набитом покупками. Так Лыгин существовал уже семь лет, ровно столько, сколько с ним была знакома Александра.

Знакомство их состоялось несколько экстравагантным образом. Однажды утром в мансарде, где располагалась мастерская художницы, зазвонил телефон. Женщина едва откопала его из-под груды пыльных этюдов, привезенных прошлым летом с натуры. Она успела снять трубку в последний момент. Впоследствии Александра задавалась вопросом, перезвонил бы ей коллекционер, если бы она так и не подошла к телефону? И отвечала себе: «Нет!» Этот человек никогда не повторял ни просьб, ни предложений.

В трубке раздался незнакомый мужской голос. Художница было решила, что звонит какой-нибудь приятель ее недавно скончавшегося мужа. Бывшие собутыльники нет-нет да и навевались иногда в мастерскую по старой памяти. Ведь раньше это было его логово, Александре оно досталось по

наследству. Но голос в трубке тут же ее разуверил:

– Нет, я не знакомый Ивана Корзухина. Что за идея? Мне нужна... – Последовала короткая пауза, звонивший явно сверялся с какой-то записью. – Александра Мордвинова.

– Корзухина-Мордвинова, – уточнила Александра. Тогда она еще не была знакома с этим человеком, иначе не рискнула бы его поправлять.

– Как вам угодно, – ответил незнакомец с язвительной вежливостью. – Мне рекомендовали вас. Сказали, что вы помогаете избавиться от старого хлама.

– Я реставрирую картины, резьбу по дереву и берусь иногда за прикладное искусство, – с достоинством информировала художница собеседника. – Соответственно, перепродаю кое-что. Если ваш «хлам» такого рода, то буду рада поспособствовать.

Послышался странный, скрежещущий смешок – будто точили ржавый нож.

– Мой хлам разного рода... самого разного. Взглянуть не желаете?

– Давайте назначим встречу. – Александра обернулась на часы. – Сейчас я должна появиться в Союзе художников, улаживаю кое-какие дела покойного мужа... В два часа меня ждет заказчик. Заберу у него картину на реставрацию и прямо к вам. Куда подъехать?

– Нет, я ждать не собираюсь, – строптиво заявил мужчина. – Приезжайте прямо сейчас или не утруждайте себя во-

все!

– Но...

– Так вы приедете? Да или нет, не отнимайте у меня время!

Александра не ожидала столкнуться с капризами клиента на такой ранней стадии общения и была готова отказаться от встречи. «Что за тип? Почему он так со мной разговаривает? Я пока ничего ему не должна и ни в чем не провинилась!» Но что-то помешало ей свернуть разговор и положить трубку, вернуться к делам, которых, по совести говоря, было не так много. Заказчик, на которого сослалась женщина, не торопил с реставрацией, да и картина не представляла из себя ничего стоящего. В Союзе художников Александру тоже никто особенно не ждал. Она уже не раз наведывалась туда, пытаясь выбить законное пособие на похороны мужа, но возвращалась ни с чем. Оказалось, муж последние годы не платил членские взносы и тем самым лишился прав на все выплаты... Александра уже не могла без тошноты видеть секретаря правления – грузную, вульгарно накрашенную даму с изумрудами в ушах и с лицом вокзальной бродяжки. Чиновница от искусства ждала элементарного подношения – бутылки коньяка и коробки конфет, но Александра упорно делала вид, что не понимает этого. Она считала, что Союз и так немного сделал для покойного художника и тот ничего никому не должен. Женщина бросила бы затею с пособием, но на тот момент осталась совершенно без денег. По-

сле смерти Ивана обнаружились долги, которые пришлось заплатить, потому что занимал муж у людей небогатых, таких же пропойц-художников, как он сам.

– Хорошо, – скрепя сердце выговорила она. – Я приеду сейчас. Куда?

– Недалеко от вас. Вы обитаете на Китай-городе, если меня правильно информировали? А я на Яузском бульваре.

– Так я пешком дойду! – обрадовалась Александра. – Скажите адрес и... Кажется, я еще вашего имени не знаю?

– И впрямь, я не представился! Лыгин, Дмитрий Юрьевич. Записывайте адрес. Поторопитесь. Я жду.

Повесив трубку, женщина бросилась искать куртку, как всегда, куда-то запропастившуюся. И вдруг засмеялась – впервые за последние три недели, прошедшие со дня похорон. «Что я так тороплюсь?! Этот тип командует мною, даже не соизволив познакомиться толком, а я и рада слушаться! Возьму да не пойду!» Но она понимала, что пойдет.

Дом, глядевший торцом на Яузский бульвар, вопреки ожиданиям Александры, оказался вовсе не особняком девятнадцатого века или эпохи модерн, а брежневской кирпичной девятиэтажкой. Желтая одноподъездная башня, втиснутая в щель между старыми постройками, резала глаз, несмотря на то что была так же заgrimирована уличной копотью, как соседние здания. «Человек, которому в восьмидесятых годах дали тут квартиру, был шишкой, это очевидно!»

Лифт с обожженными кнопками доехал только до шесто-

го этажа, и на девятый, где располагалась нужная квартира, пришлось идти пешком. На это художница первым делом и пожаловалась мужчине, отворившему ей дверь. Никаких извинений не последовало, Лыгин просто ответил:

– Знаю. Лифт давно сломан, и чинить его не собираются.

– Но я решила, что застряла на шестом, когда кабина вдруг остановилась и свет погас! Слава богу, дверь открылась... Вы меня не предупредили...

– Неужели должен был? – В голосе коллекционера звучала насмешка. Он оглядывал гостью критически, и Александра вдруг устыдилась своего вида – заношенной брезентовой куртки, испачканных краской джинсов, которые не удосужилась переодеть, растрепанных волос... Она затем и стриглась очень коротко, чтобы не возиться с прической, и считала, что выглядит неплохо, но под взглядом Лыгина вдруг ощутила себя ощипанным воробьем. А хозяин квартиры щеголял в брюках со стрелкой, в начищенных ботинках и кашемировом свитере. Черные волосы с сильной проседью, резкие черты лица, которого время словно побоялось коснуться, темные прищуренные глаза – все это делало его похожим на стареющего актера. Александре показалось даже, что она уже видела где-то это лицо, и женщина, не удержавшись, спросила:

– Мы не встречались?

– Не знаю, – пренебрежительно ответил Лыгин. – Я вас, во всяком случае, не припомню.

Александра разозлилась на себя за то, что задала этот вопрос, и твердо решила молчать, пока речь не зайдет напрямую о деле. «Что за нарцисс! – негодовала она, ступая в прихожую и далее, вслед за хозяином, проходя в комнату. – Что за самомнение! Ведь он не такой уж красавец, скорее, у него неприятное лицо...»

В следующий миг она забыла о своей досаде. Двадцатиметровая комната, куда попала женщина, была сплошь уставлена шкафами и горками, на полках которых теснились старинный фарфор, красный богемский хрусталь и шкатулки. Едва взглянув на них, Александра почувствовала сильное сердцебиение. Шкатулки являлись ее коньком и страстью. Три года назад она начала закупать для антикварных салонов именно этот вид предметов и, преуспев поначалу, была преисполнена самых радужных надежд. После у нее случались как удачи, так и горькие промахи, но со шкатулками неизбежно везло.

– Желаете их продать? – спросила женщина, остановившись у застекленного шкафа, заполненного исключительно шкатулками. – Я охотно возьмусь.

– Еще бы вы не взялись! – фыркнул хозяин у нее за спиной. – Эта коллекция вывезена из Германии после войны одним генералом, которому посчастливилось квартировать в доме барона Карла Варнбюлера фон унд цу Хемминген... Генерал продал мне все это добро в семьдесят третьем году, когда женил внука и решил подарить ему «Волгу».

И снова раздался скрежещущий смешок, который так неприятно подействовал на Александру, когда она разговаривала с коллекционером по телефону.

– Генерал – болван, – язвительно заявил Лыгин. – Шкатулки стоили неизмеримо больше, а любитель не расстался бы с ними и за целый автопарк. Чего стоит вот эта! – Он указал на круглую фарфоровую бонбоньерку, расписанную фиалками и инкрустированную крохотными аметистами по окружности крышки. – Она принадлежала императрице Сисси. Бедняжка хранила в ней свои любимые конфеты, засахаренные фиалки. Только и радостей было в ее жизни, что эти лакомства. На дне – инициалы императрицы. Можете убедиться. Взгляните!

Лыгин открыл дверцу шкафа и, достав бонбоньерку, положил ее на трепещущую ладонь Александры.

– Изумительно... – прошептала она, разглядывая вещицу. – Вы готовы с ней распрощаться?

– Я к ней охладел. Увы, людям свойственно менять пристрастия. Я собираюсь избавиться от всего, что можно продать. А что не продам, то обменяю.

– Я прямо сегодня поговорю с одной своей знакомой, у нее небольшой магазин в центре и множество связей, – взволнованно ответила Александра. – Но неужели вы продаете ВСЕ?

– Все, что вы видите. – Мужчина широким жестом обвел комнату. – Фарфор, хрусталь, шкатулки и табакерки. Игральные и гадальные карты восемнадцатого-девятнадцатого

веков. Одна колода, по слухам, принадлежала самой Марии Ленорман, но я не стал бы настаивать на этой версии. В другой комнате пара сундуков с игрушками, пуговицами, позументами и вышивками. Словом, хлам.

Так завязалось самое странное знакомство в жизни Александры. Этим было сказано многое, ведь среди ее окружения встречалось мало заурядных людей. Художники, скульпторы, резчики по дереву, реставраторы, коллекционеры и скупщики антиквариата – эта каста стала Александре родной со студенческих лет, и за ее пределы женщина выходила редко. В такой среде процент чудаков неизбежно выше обычного, но Лыгин выделялся даже из диковинного окружения. Александра назвала бы его страстным коллекционером... Но это была какая-то ледяная страсть. Лыгин становился безжалостным к вещам, к которым охладел, и расставался с ними, даже не гоняясь за большим барышом. Часть коллекции, которую художнице поручили распродать, ушла чуть не за бесценок только потому, что Лыгин торопил с продажей.

– Подождем! Через неделю я встречусь с одним любителем из Питера, который заплатит вдвое больше, – отговаривала его Александра. – Мы потом пожалеем, что пороли горячку!

– Мы? – раздражался Лыгин. – Вы-то пожалеете, понятно, у вас комиссионные получатся меньше. А мне нужно только скорее продать.

Такая позиция была непонятна женщине. У нее не созда-

лось впечатления, что хозяин коллекций остро нуждается в деньгах. Лыгин ни слова не сказал о том, что у него финансовые затруднения. Люди, продававшие с помощью Александры свои вещи, обычно откровенничали с ней. Скупщик антиквариата – во многом психолог. За три года, которые Александра занималась этим делом, она выслушала десятки исповедей и жалоб. Лыгин не рассказал ничего. Через год она знала о нем не больше, чем в первый день знакомства. Имя, адрес, номер телефона. Есть ли у него семья? Жена, любовница? Дети? Друзья? На пенсии ли он и какова была его основная профессия? Лыгин оставался для Александры загадкой, и загадкой неприятной.

Несмотря на то что женщина недурно зарабатывала, пристраивая его коллекции к новым хозяевам и Лыгин ни разу не остался в претензии, что она продала вещи дешево или возилась долго, ее не радовала эта «золотая жила». Александра откровенничала с давней знакомой, владелицей антикварного магазинчика, практически своей крестной матерью в мире коллекционеров:

– Понимаешь, Альбина, он не то чтобы хамит мне, но умудряется всякий раз останавливаться в миллиметре от прямого оскорбления. Не понимаю, как у него это получается?

– Лыгин – странный тип. – Альбина прикуривала одну сигарету от другой и кивала пегим пучком волос, небрежно заколотым на затылке. – Я о нем слышала, но сама ни разу не

встречалась. Он какой-то анахорет. Никто ничего о нем толком не знает. Сын военного, чуть ли не генерала. А может, и нет. И чем ты недовольна? Он дает зарабатывать – спасибо, и точка.

– Как с ним пообщаюсь, хочется топтать ногами и плевать в зеркало, в свое отражение за то, что молча слушала и ничего ему не ответила!

– Ну так плюй, но не теряй такого сказочного клиента, – советовала старшая подруга. – Поверь уж мне, старой ведьме, в нашем деле подобные сговорчивые продавцы встречаются реже, чем подлинные Айвазовские. Вообще-то, удивительно, что он пустил тебя в свое логово, позволил продавать все под корень и даже не пытается контролировать. Ему повезло. Если бы он нарвался на маклера без совести, его бы обчистили до нитки. Кстати, кто тебя ему рекомендовал?

Александру и саму занимал этот вопрос, но, когда она задала его Лыгину, тот небрежно ответил: «Я уж забыл». Вероятно, коллекционер лгал. Рекомендация, которой он слепо последовал, должна была исходить от очень близкого друга. Иначе почему он вдруг доверился незнакомке?

А доверие было так велико, что женщина не во всем решалась признаться даже Альбине. Сразу после того, как Александра продала первые вещи и принесла деньги на квартиру, Лыгин ее ошеломил:

– Продолжайте дальше в том же духе, пока не расчистите весь хлам. А я уезжаю на дачу. Ключ вам оставляю. Слишком

хлопотно всякий раз встречаться, чтобы передать вещи. За деньгами буду наезжать по мере... мм... надобности.

– Вы хотите оставить мне ключ от этой квартиры?! – Александра испугалась, услышав и осознав это. – Но здесь коллекции... А вы меня совсем еще не знаете...

– Если не возьмете ключ, нам придется расстаться, – перебил Лыгин. – Не думаете же вы, что я собираюсь таскаться в город всякий раз, когда вам понадобится взять отсюда табакерку?!

И Александра приняла ключ, почти не веря в то, что это происходит с ней. Лыгин взглянул в ее искаженное лицо и вдруг заявил:

– Что-то вы слишком волнуетесь. Или задумали меня ограбить?

Александра не успела протянуть ему ключ обратно, как он разразился своим скрежещущим смехом:

– Я пошутил, пошутил! Уж кто меня грабит, так это я сам. Думаете, я не понимаю, что мог бы выручить за коллекции несравненно больше? Но время работает против меня. Продавайте все, и продавайте быстро. Больше я ничего не требую.

И с той поры художница беспрепятственно входила в квартиру на Яузском бульваре. Когда заблагорассудится, выносила вещи, каждый раз чувствуя себя едва ли не воровкой. Изредка хозяин навещался в Москву и забирал вырученные деньги. Шкафы и полки постепенно пустели. Лыгин об-

водил их отсутствующим взглядом, а женщина вновь поразилась тому, насколько он непохож на остальных знакомых ей коллекционеров.

– Пойми, – говорила она Альбине, – человек может охладеть к статуэткам и начать коллекционировать, скажем, самовары. Но ему не будет все равно, кому продана коллекция статуэток, да еще продана за полцены, наспех, только бы сбыть с рук! Никогда не будет все равно. Точно так же тебе никогда не станет безразличным мужчина, с которым ты была близка и вдруг порвала отношения. Или уж надо быть совсем бревном!

– Немного же ты знала мужчин, – смеялась приятельница. – Мне шестьдесят, я чуть не вдвое тебя старше, а во сколько раз умнее, уточнять не буду, ты обидчива. Поверь мне на слово – можно охладеть навсегда и к мужчине, и к коллекции. Но только в том случае, если их место займет другое увлечение, более сильное.

– Я уже не верю, чтобы Лыгин мог искренне увлекаться!

– А я верю, – прищурилась антикварша. – Думаешь, куда он тратит деньги? Зачем распродает все за бесценок? Он, с твоих слов, примерно мой ровесник. Для женщины этот возраст – первый луч заката, выражаясь романтическим слогом. Для мужчины – повод порезвиться напоследок. У него кто-то есть там, за городом. Напросись в гости на дачу и убедись! Сразу поймешь, живет он с женщиной или один.

Александра, разумеется, в гости не напрашивалась и с пе-

ременным успехом продолжала расправляться с накопленными в квартире залежами. Наконец, два года назад, она продала мебель, от которой Лыгин также попросил избавиться. Двухсотлетние резные шкафы и комоды из груши и ореха, старинные деревенские сундуки, покрытые наивной росписью, шаткие бамбуковые этажерки эпохи модерн – все было распродано в считанные дни, так как хозяин велел не торговаться и отдавать за первую названную цену. У художницы сердце кровью обливалось, когда она пересчитывала деньги, отправив последние грузовые машины покупателю. До вечера Александра слонялась по пустой квартире, слушая эхо, сопровождавшее каждый ее шаг. Женщину не покидало ощущение, будто она только что кого-то похоронила.

Лыгин явился в десятом часу, как и было условлено. Александра отдала ему деньги и протянула ключ.

– Мм... в самом деле, – пробормотал коллекционер, опуская ключ в карман пиджака. – Зачем он вам теперь?

– Извините, я уж на прощание скажу то, что давно хотела, – не выдержала женщина. – Незачем было нанимать специалиста, чтобы избавиться от ценных вещей по таким бросовым ценам. Вы могли бы просто дать объявление в газету и продать все «стервятникам». Я провозилась пять лет, потому что пыталась еще бороться. Искала какие-то компромиссы, хотя и не говорила вам об этом. Маклеры бы вас обчистили за пять недель. И вы этого заслуживаете!

Впервые Лыгин посмотрел на Александру с интересом.

Собственно, он вообще впервые задержал на ней взгляд дольше двух секунд.

– Вы что, обиделись? – с сомнением проговорил коллекционер.

– Меня эта ситуация унижает. Мне даже похвалиться нечем: вот, мол, как удачно распродала ценнейшие коллекции! Мне стыдно, попросту стыдно. Я знаю, что не виновата, но все равно ругаю себя. Пошла у вас на поводу! Могла ведь отказаться!

Лыгин вдруг часто заморгал, словно ему что-то попало в глаз.

– Но нет, не могла... – вздохнула Александра, решив высказаться до конца. – Я привыкла сюда приходить. Мне нравилось тут рыться, выбирать вещи, сортировать их, дышать здешней пылью... Антиквары вообще отчасти крысы.

– Абсолютно с вами согласен! – В голосе мужчины прозвучало удивление. – Крысы и есть! И, как крысы, они не любят света, шума и чистоты.

Он впервые говорил с Александрой на отвлеченную тему, и женщина с трудом в это верила. «А может быть, я сама виновата в том, что у нас практиковалось чисто формальное общение? Ведь я никогда даже не пыталась его разговаривать!»

А Лыгин между тем разглагольствовал, прохаживаясь по опустевшим комнатам, то и дело отбрасывая носком ботинка попадавшие на пути куски картона и упаковочной бумаги:

– Собственно, собирательство вообще дело темное. Ценности в нем относительны... И часто отрицают сами себя. Скажем, клочок бельевого полотна, сотканного во Франции накануне Великой революции, сам по себе ничего не стоит. Но если на этом куске сохранились следы крови, если это край простыни из ванны, где Шарлотта Корде зарезала Марата, его цена может сравняться со стоимостью эскиза Делакруа или Энгра. Не глупость ли это? Кусок грязной заско-
рузлой тряпки...

Остановившись и взглянув прямо в глаза неотступно сопровождавшей его женщине, Лыгин с нажимом спросил:

– Вы ведь меня понимаете? Понимаете, о чем я?

– Я сама часто об этом думаю, – с запинкой ответила Александра. – С вещами случаются такие странные перевоплощения! Другое дело – картины. Конечно, их тоже затрагивает этот глупый закон – чем старше, тем дороже. А художественная значимость для цены вторична. Но есть и бесспорные истины. Ватто – это всегда Ватто.

– С одним условием, – улыбнулся мужчина, – что на Ватто смотрит человек, а не шимпанзе. Для шимпанзе его картина – всего лишь кусок грязной тряпки. Вы, помнится, не раз спрашивали, не жаль ли мне расставаться с вещами, которые я собирал столько лет? Так вот, стоит мне к чему-то охладеть, и я превращаюсь в шимпанзе. Для меня уже ничего не имеет ни цены, ни красоты, ни смысла. Более того, я начинаю раздражаться, чувствую себя обманутым. Столько лет

дрожать над собранием коробочек или чашечек и вдруг понять, что все это пыльный хлам... Согласитесь, лишнее доказательство того, что жизнь проходит впустую. Когда тебе за шестьдесят, такие пощечины переносятся все хуже и хуже.

– Так вы поэтому решили все распродать?

Александре показалось, что Лыгин собирается ответить, но его губы, уже приоткрывшиеся, снова плотно сжались. Теперь у него было прежнее лицо – отстраненное, замкнутое, будто покрытое коркой льда. Сощурившись, он уклончиво мотнул головой:

– Так или иначе, мы с этим покончили.

– Не совсем. Осталось продать квартиру, – пошутила Александра.

– Я бы с удовольствием, но квартира уже не моя. – Мужчина нехотя улыбнулся, показывая, что оценил шутку. – С этим я прогадал. Бывшая жена узнала, что я все распродаю, и приставала до тех пор, пока я не переписал квартиру на дочь. Они боялись, что останутся без наследства... Не без оснований боялись! – В его черных глазах вспыхнул сумрачный огонек, губы скривились. – Я сдался, позволил отвести себя к нотариусу. Жена твердила, что я делаю это ради дочери... А я в тот день окончательно потерял семью. Опять «синдром шимпанзе»: вдруг видишь все в настоящем свете и реальность представляется не сложнее и не ценнее ореха. Остается взять орех, положить за щеку и разгрызть.

Коллекционер впервые упомянул о семье, да еще выказал

при этом неожиданную откровенность. Александра молчала, боясь сказать что-то, отчего Лыгин вновь замкнется.

– Я разгрыз орех и съел ядро. И меня тут больше ничего не держит.

– Вы так и останетесь жить за городом?

– Почему бы нет? Я привел дом в жилой вид. Он теплый, удобства почти все. И главное, никому там нет до меня дела. Кстати, может быть, я как-нибудь приглашу вас туда. За пять лет скопилось немало балласта, и кое-что нужно будет продать.

– Опять продать?! Вам уже и новые коллекции надоели?

– Я очень непостоянный шимпанзе, – кивнул мужчина.

– А не собирать не могу. Дурная болезнь. Она у меня с детства. Я сам, можно сказать, экспонат из коллекции...

Последних слов он не объяснил, прервав откровенный разговор так же внезапно, как начал. Они расстались чуть не на год, и Александра давно перестала воспринимать его приглашение всерьез, когда Лыгин вдруг позвонил. Просил приехать, помочь избавиться от «пары коробок хлама», по его собственному выражению.

– Автобусом доедете до городской стелы. – Он назвал подмосковный городок, где Александра никогда не бывала. – Там выйдете, свернете в переулок направо и отправляйтесь прямо по дороге. Придется пройти километров этак пять.

– Пять?! – ахнула женщина. – Но это очень далеко!

– Отличная прогулка по красивой местности, – с некото-

рой обидой возразил Лыгин. – Но если лень идти, поймайте такси. Их по шоссе десятки шныряют. Когда попадете в дачный поселок, обратите внимание на фонари. Они установлены вразнобой, как пришлось и как кому повезло. Мой дом у самого последнего фонаря. Столб стоит прямо на моем участке. Легко найдете.

И Александра действительно сразу нашла этот дом, когда приехала. Но тогда, чуть больше года назад, был ясный летний день, светило солнце, и в прозрачном воздухе четко рисовались очертания садовых домиков и бетонных фонарных столбов. Сейчас же стояла непроглядная ноябрьская ночь, и ни в поселке, ни на небе не было ни искорки света. Лишь очень далеко, за сосновой грядой, тянулась цепочка голубых огней – изгиб шоссе. Но оно располагалось словно на другой планете, такая тьма и тишина окружали остановившуюся на разбитой дороге женщину.

Александра расстегнула сумку и вслепую нашла телефон. Нажала кнопку, экран осветился. «Тридцать две минуты первого. Почему Лыгин сидит в темноте? Почему не включил фонарь, ведь он включал его в прошлый раз, когда я уезжала поздно вечером? Он ждет меня или нет? Или это опять его чертов «синдром шимпанзе», и он передумал, во всем разочаровался, и я зря ищу приключений ночью в лесу...»

И, словно в ответ на ее мысли, на краю поселка вспыхнул фонарь. Яркая желтая звезда, неожиданно загоревшая в темноте, на миг ослепила Александру. Тьма тут же показалась

еще чернее и глубже. Но фонарь горел, указывая направление и вселяя надежду. Женщина положила телефон в сумку и торопливо пошла на свет.

Вот и короткий проулок, памятный ей с прошлого визита. Разбитый асфальт сменился гравием, безжалостно царапавшим высокие каблуки ее сапог. Художница выбежала из дома, одевшись впопыхах, и уже в такси подумала, что надо было изменить своим привычкам и надеть спортивную обувь. «Но у меня голова шла кругом, чудо, что я сумку-то взяла!»

Звонок Лыгина, сорвавший ее из мастерской, где она реставрировала голландский пейзаж, прозвучал, как всегда, неожиданно. Они не контактировали уже очень давно. Мужчина был предельно краток и категоричен, это напомнило Александре их самый первый, неприятный разговор.

– Вы, помнится, стремились посмотреть, чем я в последние годы занимаюсь. Ну вот, я вас жду.

– Но уже поздно... – растерялась художница. – Одиннадцатый час... Я приеду завтра, рано утром, идет?

– Приезжайте немедленно! – резко сказал Лыгин. – Я свое предложение повторять не буду.

– Вы хотите показать мне коллекцию прямо сейчас? – Александра в смятении запустила испачканные краской пальцы свободной руки в волосы и, шепотом чертыхнувшись, запоздало их отдернула. – Хорошо, я приеду.

– Вы говорите так, будто делаете мне одолжение, – брюзгливо заметил Лыгин. – Я от Богато милостей не жду, а от вас

подавно не приму! – И бросил трубку.

А женщина торопливо вытерла краску с волос влажной салфеткой, натянула вязаную шапку, сорвала с вешалки куртку, сумку и привычно сунула ноги в сапоги на каблуках. Будучи невысокого роста, Александра носила каблуки с последних классов школы. К сорока годам она привыкла к ним так, что совершенно не ощущала. Разве что здесь, за городом, на мокром гравии.

...Вот и ограда, сваренная из крашенных железных прутьев, вот приоткрытая калитка. Прямо над ней, высоко на столбе, горит фонарь. Александра толкнула калитку, распахнув ее шире, и ступила на выложенную кирпичами дорожку, ведущую к дому. Она сразу отметила единственное освещенное окно в мансарде. Неудивительно, что издали его вообще не было видно, свет скрадывали плотные одеяла, служившие вместо занавески. Сквозь них наружу пробивался только слабый малиновый отсвет, тут же растворявшийся в темноте.

«Мог бы включить свет на веранде, там столько старья наставлено, недолго переломать ноги!» Женщина наткнулась на опрокинутое ведро, валявшееся у ступенек, и оно с грохотом откатилось в сторону. Поднявшись на крыльцо и войдя на застекленную веранду, откуда вела дверь в кухню, она подала голос:

– Я приехала!

Ответа не прозвучало. Открыв обитую черной клеенкой

дверь, Александра вошла в темную кухню и принялась нащаривать на стене выключатель. Пальцы натыкались на провода, змеившиеся по вагонке, она задела и сорвала с гвоздя что-то железное, тонко зазвеневшее на полу. Наконец нащупала допотопный выключатель и повернула его до щелчка.

Вспыхнувшая под потолком лампа осветила обстановку, которую Александра хорошо помнила. Несколько шкафов, газовая плита с подсоединенным к ней красным баллоном, большой круглый стол, покрытый изношенной скатертью. Дверь в глубине вела в другое помещение, которое Лыгин целиком отдал под коллекции. Вдоль длинной стены кухни поднималась лестница в мансарду, где располагалась спальня коллекционера. В прошлый визит Александра побывала и там, потому что вещи, как водится у собирателей, разползлись по всему дому.

– Я уже здесь! – крикнула женщина, встав на первую ступеньку лестницы и задрав голову к светящемуся проему в дощатом потолке. – Дмитрий Юрьевич!

И вновь нет ответа. «Кажется, он попросту ушел. Черт его знает куда?! Включил фонарь во дворе и ушел. Выходка вполне в его духе. Может быть, он не собирался ждать меня дольше двух часов?! Обиделся?! Хочет наказать?!»

– Послушайте! – уже без всякой надежды проговорила Александра, медленно поднимаясь по крутой лестнице. – Послушайте...

На предпоследней ступеньке женщина остановилась.

Отсюда она видела всю мансарду.

Вот большое окно, плотно завешенное одеялами. Включенная настольная лампа с розовым шелковым абажуром. Письменный стол, заваленный кипами бумаг. Стопки книг по всем углам и составленные друг на друга ящики с коллекциями. Широкая тахта под скатом крыши, несколько скомканных пледов и одеял на ней. Вот подушка на полу...

Подушка на полу.

Взгляд Александры вернулся к подушке, которой было вовсе не место на полу посреди спальни. Женщина преодолела последнюю ступеньку, сделала шаг и наклонилась, чтобы поднять подушку и положить ее на тахту.

Позже она не раз спрашивала себя, зачем сделала это. Из врожденной любви к порядку? Увы, в ее собственном жилище всегда властвовал хаос. Просто потому, что подушка мешала ей пройти к столу, присесть в продавленное кресло, чтобы спокойно дожидаться возвращения Лыгина? Но Александра не могла припомнить, что собиралась его дожидаться. В ту минуту ее обуревали другие чувства. Обида. Растущий гнев. Желание посчитаться с человеком, так много мнившим о себе и так мало уважавшем ее. Желание никогда больше его не видеть.

Она помнила, что хотела достать из кармана куртки визитку таксиста, позвонить и сказать, чтобы он возвращался в поселок и забрал ее. Ориентир был прекрасный – единственный горящий фонарь. Дом у последнего фонаря.

Вместо этого женщина наклонилась и подняла с пола подушку.

Под ней обнаружился предмет, который Александра сразу узнала. Довольно массивная цепочка из темного металла с необычной подвеской, привлекавшей ее внимание еще в день знакомства с Лыгиным. Тогда украшение было надето им поверх свитера, и художница не сводила с подвески взгляда, пока Лыгин не спросил, по своему обыкновению резко и нелюбезно:

– Ну, в чем дело? Это я НЕ продаю.

– Я только пыталась определить время изготовления подвески, – смутилась Александра.

– И что вы об этом думаете? – Как и ожидала женщина, Лыгин смягчился.

– Затрудняюсь сказать... Это ведь двуликий Янус? Но работа, безусловно, не римская... Может быть, Позднее Возрождение? – И так как Лыгин молчал, она поторопилась поправиться: – Нет, вернее всего, модерн. А сделано в Италии.

Лыгин начал улыбаться, медленно растягивая сухие губы, не сводя с женщины сощуренных, черных, как смола, глаз:

– Янус двуликий, Janus Bifrons, бог входов и выходов, начал и концов, дверей, врат и мостов... Одно его лицо – мужское, другое – женское. Одно лицо соответствует прошлому, которого уже нет, другое – будущему, которого еще нет. Но есть и третий, сокровенный лик, взгляд которого устремлен в настоящее. Этот лик невидим, так же как и настоящее –

неуловимое мгновение перехода из прошлого в будущее. – И, откашлявшись, насмешливо добавил: – Было забавно наблюдать, как вы пытались датировать подвеску. Вас швыряло аж по двум тысячелетиям, и вы так ни на чем не остановились. И кстати, ни разу не угадали. А что вас сбивало с толку? Янус. Вы решили, раз божество римское, это может быть или сам Рим, или Возрождение, когда такие темы вновь вошли в моду, или модерн, достигший вершины в стилизации. Но это вовсе не Янус.

– Как?

– Это Бафомет. – Лыгин уже открыто улыбался, наслаждаясь растерянностью Александры. – Герметический брат Януса, также божество, но тайное. Подвеску эту сняли с шеи Великого магистра рыцарей-храмовников Жака де Моле, перед тем как подвергнуть его пыткам и впоследствии сжечь. Папа Климент V, расправившийся с орденом, приказал отвезти в Рим все архивы инквизиции, касавшиеся процесса над тамплиерами. Подвеска хранилась в Ватикане среди самых важных уликов, свидетельствовавших якобы о связях ордена с дьяволом. Но, как видите, была кем-то украдена.

– Значит, это примерно четырнадцатый век?

– Я не рискну утверждать, когда она была изготовлена и, главное, КЕМ, – Лыгин провел пальцем по темному, будто обожженному металлу, – знать наверняка ничего нельзя. Но как бы то ни было, с этой вещью я не расстанусь никогда. Прочее можете беспощадно продавать.

...И вот эта подвеска на разорванной цепочке лежала у ее ног, на затоптанном, давно не мытом полу. Александра с трепетом взяла раритет, оглушенная стуком, который вдруг подняло сердце. Кровь шумела в ушах, прилиwała к щекам, ноги ослабли. Ей пришлось присесть на край тахты. Художница не сводила взгляда с подвески. Странно тяжелое, ледяное на ощупь украшение мертвенно холодило ее ладонь.

Два лица, обращенные в разные стороны, две головы, сросшиеся затылками. Линия сращения скрыта причудливо извивающимися прядями волос. Лицо мужчины сурово, почти свирепо, лоб нахмурен, мясистые губы приоткрыты, как для окрика. Востроносое лицо женщины миловидно, безмятежно, тонкие губы сложены в мечтательной полуулыбке. Два лица, не ведающих друг о друге, одно целое, но непостижимо различное.

Александра вскочила, будто ужаленная, обошла мансарду, заглядывая во все углы. Даже сунулась под тахту, передвинула несколько стопок обитавших там книг. Осмотрела стол. «Может быть, Лыгин оставил мне записку?» Мысль была неискренняя, она в это не верила, но все же с минуту выискивала эту мифическую записку среди разложенных бумаг. «Ничего. Ничего и быть не могло. Ты себя обманываешь!»

Сжимая подвеску в кулаке, Александра бегом спустилась на первый этаж. Обыскала кухню, зажгла свет в соседней комнате и потратила еще несколько минут, чтобы убедиться

в том, что Лыгина в доме нет, ни живого, ни мертвого. Александра набрала номер его телефона, но ответом ей были долгие гудки. Мобильник не зазвонил нигде в доме. Не услышала она сигнала, и выйдя на крыльцо. В безлюдном поселке было тихо до такой степени, что звенело в ушах. Женщина не сомневалась, что звонок донесся бы до нее даже издалека.

Вернувшись в дом, она подвела итоги.

Казалось бы, поводов для беспокойства немного. Беспорядок во всех комнатах не больше того, что был в прошлый ее визит. Еще теплый чайник на плите. Дотлевающие угли в голландской печи. Наверху – включенная настольная лампа. Во дворе – зажженный фонарь. Все выглядело вполне невинно, словно хозяин ждал гостью и решил немного прогуляться на свежем воздухе. Может быть, пошел встречать ее другим переулком и они разминулись в темноте... Надо просто подождать его возвращения.

Но задерживаться в этом доме Александра ни в коем случае не собиралась!

«Эта подвеска, случайно или нарочно прикрытая подушкой! Подвеска, с которой он обещал никогда не расставаться! Если все, что говорил о ней Лыгин, правда, это его самое ценное приобретение среди тех, о которых я знаю. И вот цепь разорвана, и подвеска Жака де Моле лежит на полу. В доме ни души, и в поселке, похоже, также. Второй час ночи. Не знаю, что здесь случилось, но я должна немедленно уехать!»

Художница положила подвеску в нагрудный карман курт-

ки и тщательно защелкнула кнопку на клапане. Позвонила таксисту. К счастью, тот был на полпути к Москве и обещал вернуться.

– Ориентир простой. В поселке горит только один фонарь, к нему и подъезжайте, – сказала Александра.

А спрятав телефон в карман, вдруг ощутила ледяную корку на затылке, под волосами – там, где соприкасались две стороны Януса. Женщина торопливо выключила свет на кухне и, оставшись в темноте, сквозь жидкие белые занавески выглянула во двор. Фонарь горел ярко, и в его свете были отчетливо различимы кирпичи дорожки, блестящие от мелко морозящего дождя, сырая, еще зеленая трава, черный выключатель на столбе, на уровне человеческого роста.

«Кто зажег фонарь за пять – семь минут до того, как я тут появилась? Ведь кто-то же зажег фонарь?! Если Лыгин, тогда он где-то совсем рядом. А если не он?! Тогда этот ДРУГОЙ тоже близко!»

Александра не могла больше думать ни о чем и пряталась за занавесками до тех пор, пока за оградой не возникли фары такси. Она выбежала навстречу машине, едва прикрыв за собой входную дверь, даже не поднявшись в мансарду, чтобы выключить там лампу. К выключателю на фонарном столбе она тоже не прикоснулась.

У нее было такое искаженное, испуганное лицо, что таксист, едва взглянув на пассажирку, спросил:

– Ничего не случилось?

– Ничего, – ответила она, радуясь уже тому, что слышит чей-то голос. – Поедемте скорее, уже так поздно!

И все время, пока машина пересекала поселок, вновь ныряя в выбоины разбитой дороги, Александра оглядывалась на горевший фонарь, боясь увидеть, что он вдруг погаснет. И тогда ей придется вернуться. Вернуться, чтобы узнать, что же там на самом деле происходит? Но фонарь горел, одиноко и безмятежно, походя на желтую звезду, упавшую в черный осенний лес и застрявшую в ветвях.

«Завтра утром позвоню Лыгину и потребую объяснений, – твердила про себя женщина, когда машина свернула на шоссе в сторону Москвы. – Да он и сам позвонит, едва обнаружит пропажу своей драгоценной подвески! И на этот раз встретимся в городе, сюда я больше не поеду!»

Александра повторяла эти фразы, как мантру, пытаясь отгородиться ими от чего-то страшного, черного и бесформенного, как тьма, не озаренная ни единым огнем.

Глава 2

Она проснулась далеко за полдень. Женщина спала бы еще, но ее разбудила кошка. Цирцея, обычно дремавшая в ногах у хозяйки, принялась бродить по постели, уминая лапками теплый плед, под которым нежилась Александра. Кошка утробно урчала, тыкалась острой мордочкой в лицо женщине... Наконец Александра не выдержала и села. Цирцея приветствовала пробуждение хозяйки возбужденным настойчивым мяуканьем.

– Рано обрадовалась, есть все равно нечего, – пробормотала Александра. – Сейчас вот попробую умыться и схожу в магазин.

Она зашла за ширму, отгораживающую угол мансарды, отвернула вентиль позеленевшего от старости крана, вмонтированного в заплесневевшую стену. Вода полилась тонкой струйкой, сперва толщиной с вязальную спицу, потом – с нитку и в конце концов иссякла. Александра успела два раза набрать пригоршню и ополоснуть лицо. С умыванием было покончено.

Женщина давно притерпелась к неудобствам чердачной жизни и не променяла бы эту захламленную мастерскую на самую благоустроенную квартиру. Из удобств здесь имелись только раковина, холодная вода, унитаз и ржавые, вечно ледяные батареи. Зимой приходилось отапливать огромную

мансарду электрическими нагревателями, но из щелистого пола дуло так же отчаянно, как из разошедшихся оконных рам под скатом крыши.

Первое время женщина мерзла и беспрестанно болела, затем незаметно привыкла и почти перестала страдать от холода. Она привыкла и ко многому другому – к непостоянным заработкам, к вечно испачканной красками старой одежде, к одиночеству и неудачам... А больше всего – к свободе, к независимости все от тех же денег, от семьи, от удобств и условностей. Ей давно уже казалась нормальной жизнь в этом расселенном доме, где располагались мастерские художников, скульпторов и реставраторов. Нормой стало дрожать зимой под грудой одеял, умываться из горсти и, спускаясь по лестнице, отталкивать носком сапога попадавшихся навстречу наглых неторопливых крыс. Зато никто ей не указывал, как жить, никто ни к чему не принуждал, и если она брала на себя какие-то обязательства, то лишь перед клиентами, отдавшими ей вещь для реставрации или перепродажи.

Мать Александры до сих пор не могла смириться: «Когда тебе было двадцать лет, мы с отцом питали такие надежды! Ты была такой талантливой, трудолюбивой девочкой, и все, ВСЕ мне говорила! Когда тебе подкатило под тридцать и ты привела в дом своего подозрительного первого муженька, мы так расстраивались... Знали бы, что потом ты свяжешься с этим пропойцей Корзухиным и переедешь к нему,

на этот ужасный развалившийся чердак! Там на пол ступить страшно – того гляди вся эта гниль проломится! И чем ты занимаешься теперь, в сорок лет, когда нормальному человеку положено уже всего достичь? Картин больше не пишешь. Живешь черт знает как! Питаешься бог знает чем! Худая, как щепка, бледная, в каких-то старых страшных тряпках... Брось свой чердак и переезжай к нам с отцом, мы освободим твою комнату. И слушай, я недавно встретила бывшую сокурсницу, у нее сын год назад развелся. Отличный мужик, работает в банке, не пьющий, разумный, катается на лыжах...»

Александра причесалась перед мутным от старости зеркалом и скривила губы, будто попробовала что-то очень горькое – размолотую таблетку аспирина, например. Вчерашняя поездка за город вспомнилась ей в мельчайших деталях. «Трудно было ожидать, что Лыгин начнет со мной любезничать, поцелует руку, солжет, что я замечательно выгляжу... Я и не ждала ничего подобного. Но мог хотя бы меня дождаться, раз уж пригласил, да еще так срочно, в такой поздний час! Никогда не пойму этой выходки. Никогда не прощу! Я выбросила чуть не последние деньги на такси, а от заказчиков еще пару недель ничего не получить!»

Чем больше Александра думала о вчерашней неудаче, тем быстрее росла злоба. «Хамство, безмерное хамство! Так не поступают с женщиной, если хоть во что-то ее ставят! А уж с деловым партнером такие номера проделывают, если хотят

с ним расстаться! Я столько для него сделала, он всегда был доволен! Мне даже казалось, Лыгин начал хорошо ко мне относиться, видеть во мне человека. И когда мы встречались в последний раз, он воздерживался от язвительных замечаний и ни разу не сказал ничего неприятного...»

Пока на крохотной допотопной плитке варился кофе, она набрала номер мобильного телефона Лыгина. Александра решила не готовить гневной речи, а импровизировать на ходу. «Потребую вернуть мне деньги за такси – это раз! А еще обязательно выскажу то, что рвалось у меня с языка все эти годы: до чего он надутый, самовлюбленный, чванный тип!»

Но когда ей вдруг ответил звонкий женский голос, Александра растерялась и какое-то время молчала. Наконец в трубке прозвучал вопрос:

– Вы будете говорить или мне отключиться?

– Извините, – опомнилась Александра, – я звоню Дмитрию Юрьевичу.

– А папа уехал, – с готовностью ответила женщина, судя по тембру голоса, очень молодая.

– Ах, вот как... – протянула Александра. – Это все объясняет.

– Объясняет – что?

– Вчера вечером Дмитрий Юрьевич просил меня приехать к нему на дачу, по делу. Я приехала, но его дома не оказалось. А надолго он уехал?

– Я не знаю, – настороженно проговорила девушка. – А

вы кто?

– Простите, а я с кем говорю? – в свою очередь осведомилась Александра.

– Я его дочь.

– Слышала о вас...

– Не может быть! – воскликнула девушка. – А что папа говорил?

– Не помню толком, но что-то хорошее, – солгала Александра.

– Имя называл? Меня зовут Лиза.

– Очень приятно. Я – Александра. Он говорил именно о вас, не сомневайтесь. Если вы его единственная дочь, конечно.

– Чудеса, – с прежним недоверием в голосе заметила Лиза. – А знаете, папы сейчас правда нет. Он уехал куда-то, а телефон забыл. Я его нашла сегодня утром на даче, на письменном столе.

– Там не было телефона! – вырвалось у Александры.

– Вы что, заходили в дом?!

– Ну конечно! Вошла, поднялась в мансарду... И я уверена, Лиза, что телефона на письменном столе не было!

– А как вы дверь открыли? У вас есть ключи?

– Нет, что вы. Но дверь была не заперта.

– Дверь была закрыта на оба замка, когда я приехала туда сегодня. – Теперь девушка говорила совсем уж неприветливо. В ее голосе слышались очень знакомые Александре над-

менные нотки: – Ключи у меня, к счастью, имеются. Я вошла в дом, обнаружила, что папы нет. А телефон лежал на столе, наверху.

– Настольная лампа горела? – взволнованно спросила Александра.

– Нет. А вы меня сейчас станете уверять, что лампа горела, когда вы там побывали?

– Она горела, когда я вошла в дом, и более того – я оставила ее включенной, когда уехала, – твердо сказала женщина.

– Не понимаю. А когда вы приезжали?

– Примерно в половине первого ночи. А уехала через час.

– И целый час вы пробыли в доме совершенно одна?

– Представьте, мне пришлось вызвать такси и дожидаться его! А вы что же, меня в чем-то подозреваете? – Александра сняла с плитки турку с вскипевшим кофе и поставила ее на треснувшую кафельную плитку, заменявшую подставку под горячее. – Надеюсь, из дома ничего не пропало?

– Как я могу знать, что оттуда пропало, если я не в курсе, что там было? – резонно возразила девушка. – Думаете, я каждую вещь наперечет помню? Да я там была всего только раз! Я ничего против вас не имею... Но вы все время мне противоречите, говорите то, чего не было. Дом был заперт, телефон лежал на столе и лампа не горела. Я пока не сошла с ума, все помню. Час назад оттуда вернулась.

– А фонарь? Фонарь во дворе был включен?

– Фонарь? – удивилась собеседница. – Зачем его вклю-

чать? Ведь светло.

– Ночью фонарь горел, – терпеливо пояснила Александра.

– А утром... Не знаю... – задумалась Лиза. – Было так солнечно... Даже если лампочка и горела где-то наверху, я бы не заметила.

– А вы туда поехали... почему? Вас отец пригласил?

Ответом было молчание. Александра ждала, затаив дыхание, опасаясь, что Лиза положит трубку. Простое объяснение, которое сперва совершенно удовлетворило художницу – Лыгин внезапно уехал, забыв отменить встречу, – теперь не вносило никакой ясности. «Лиза не знает правды, – поняла женщина. – Ей известно об отце не больше, чем мне!»

– Собственно, я ничего не должна вам рассказывать, – после паузы отозвалась наконец девушка. – Но все это действительно странно. Вы кто? Папина любовница?

– Нет, мы общались исключительно по делу! – смутилась Александра. – Я продавала его коллекции... Мы с ним семь лет знакомы.

– Тогда ладно... Понимаете, отец меня на дачу вообще не звал. Я уже говорила, что побывала там лишь раз, в детстве, лет десять назад. Потом родители развелись, разъехались, после отец совсем на эту дачу переселился. И никого туда не приглашал. И уж конечно, меня! Девушка нервно рассмеялась. – Он вообще мне никогда не звонил. Ни разу в жизни. И вдруг вчера вечером!.. А я не услышала, телефон лежал в застегнутой сумке, в прихожей. Я была в гостях, там

музыка играла... Уже полночь засобиралась домой, села в машину, достала телефон и... Глазам не поверила – отец звонил!

– Вы перезвонили?

– Конечно, и не раз, но он не отвечал. Телефон был включен, но трубку не брали.

– И я примерно в то же время пыталась позвонить вашему отцу, Лиза! – убедительно произнесла Александра. – Та же картина. И поймите, я находилась в доме и не слышала звонков! Ни своих, ни ваших! Кстати, когда вы нашли телефон, звонок был выключен?

– Нет, – растерянно ответила девушка. – Телефон почти разрядился, но еще «дышал». И звонок был включен.

– Если бы телефон зазвонил в мансарде, я услышала бы обязательно. Из любого угла в доме.

– Я ничего не понимаю, – удрученно призналась Лиза. – Вы меня путаете... И пугаете. Когда я приехала утром на дачу и не застала там папу, то особенно не встревожилась. А вы начинаете внушать мне такие вещи, что в голову уже черт-те что лезет!

– Лиза, я не собираюсь вас пугать, но прошлой ночью мне самой пришлось подрожать от страха. Я была совсем одна, в темном нежилом поселке, где горел всего один фонарь! И кто-то зажег этот фонарь прямо на моих глазах! А когда я подошла к дому, там уже никого не было! Кто-то включил фонарь и ушел, будто спрятался от меня!

– Почему вы говорите «кто-то»? – севшим голосом спросила Лиза. – Это папа включил фонарь и ушел... Уехал.

– Нет, тут обошлось без машины. Было так тихо... Я бы обязательно услышала мотор, увидела свет фар, пусть вдали. И потом, машина наверняка поехала бы в мою сторону, в сторону города. Куда же еще – за поселком только поля... Но мне никто не встретился.

Лиза молчала.

– Если учесть все, что обнаружили утром вы, – продолжала Александра, не дождавшись ответа, – то в доме кто-то побывал после моего отъезда. Этот человек где-то прятался и ждал, пока такси уедет. Тогда он вернулся в дом, положил наверху телефон, выключил лампу и запер дверь.

– Это мог быть только папа! – вырвалось у девушки.

– Ваш отец ждал меня. И думаю, не стал бы прятаться и ставить гостя в такое затруднительное положение. Зачем?...

– Мне пора на работу, – внезапно заявила Лиза. – Я и так прогуляла полдня.

– Пожалуйста, позвоните мне по этому номеру, когда ваш отец объявится!

– Хорошо, – неохотно пообещала девушка.

– Кстати... Извините мое любопытство... Зачем вы забрали его телефон?

Александра думала, что ответа не последует, так долго молчала Лиза. Женщина уже собиралась отключиться, когда услышала тихие слова:

– Решила, что будет повод с ним увидеться.

И гудки.

Разговор взбудоражил художницу так, что она вплоть до вечера не могла заставить себя приняться за работу. Выйдя на полчаса за покупками, Александра долго сидела потом на тахте, завернувшись в плед. Куря одну сигарету за другой, уставившись в пустоту, она задавала себе вопросы, на которые не находила ответов.

«Предположим, эта мистификация – дело рук самого Лыгина. Он просто раздумал со мной встречаться и удрал. Отправился гулять по поселку, дожидаясь моего отъезда. Потом вернулся, а к утру снова исчез. Вполне резонно выключил свет в мансарде, но неразумно бросил телефон. Запер дверь, но забыл про фонарь. Во всем этом просматривается что-то судорожное, ненормальное. Так не поступают люди в своем уме. Не хочешь встречаться – позвони и отмени встречу. Но прятаться в темноте больше часа, на холоде, под дождем...»

В прежние времена Александра позвонила бы Альбине, поделилась своими сомнениями и наверняка получила бы дельный совет. Уж во всяком случае, слова утешения. Но Альбина умерла в марте этого года, после операции на сердце, не приходя в сознание, в реанимации. Хирург, с которым разговаривала Александра, сказал, что у шестидесятисемилетней пациентки было изношенное сердце глубочай-

шей старухи.

– Накануне операции она улизнала-таки в туалет, хотя я запретил ей ходить из-за тромба, и выкурила там подряд полпачки сигарет, – с упреком заявил он. – О чем еще можно говорить?

Заплаканная Александра и не собиралась обвинять врача. Она, как никто другой, знала, что Альбина никогда не берегла себя. Оголтелое курение, бесконечный черный кофе с утра до ночи, а в былые времена и кое-что покрепче – вот была ее обычная «диета», практиковавшаяся годами. Альбина относилась к болезням и смерти философски, повторяя, что эта доля никого не минует, и как будто совсем не боялась близкого конца... Накануне операции, когда женщины увиделись в больничной палате, подруга была не подавлена, а, скорее, задумчиво грустна.

– Не расстраивайся сильно, если я не встану, – сказала она Александре, – и заberi себе мой архив. Там все контакты, все клиенты за тридцать лет. Дарю.

– Прекрати... – содрогнулась Александра.

– Это ты брось себя обманывать. Я такая развалина, что самой противно. Не плачь. Сейчас же перестань плакать!

...Вспомнив этот последний разговор, Александра прошла в угол мансарды, за ширму, где громоздились картонные коробки с бумагами, папки с этюдами и стопы журналов. Тут же стоял старый фанерный чемодан с обитыми жестью углами. В нем хранился архив Альбины, уже не раз послу-

живший новой хозяйке.

Щелкнув тугими латунными замками, Александра принялась перебирать пухлые растрепанные тетради и рассыпающиеся блокноты, поднося их к свету слабой лампочки, едва освещавшей угол. Альбина, безалаберная во всем, что касалось ее личной жизни, здоровья и прочих «мещанских» мелочей, вела скрупулезный учет всем своим деловым контактам. Каждый клиент, хотя бы раз купивший у нее вещь или продавший что-нибудь, неизбежно попадал в архив. Здесь фиксировались не только имя, адрес, телефон, но и все известные Альбине факты – от семейного положения до религиозных убеждений и кулинарных пристрастий. И разумеется, описывалась каждая сделка – что куплено или продано, когда и почему.

Архив был организован самым тщательным образом. Случайных или начинающих клиентов Альбина отмечала в тетрадях с серыми обложками. Если клиент продолжал совершать сделки, он переводился в тетради красного цвета. Для постоянных клиентов заводились именные блокноты – по одному на человека. На каждой странице фиксировалась отдельная сделка. Все было устроено очень удобно. Едва открыв блокнот, Александра получала полную информацию о том, что можно предлагать тому или иному человеку, чем он интересуется и что может продать сам. Накануне крупных европейских аукционов, изучив предложения, Александра садилась за телефон и, обзванивая клиента за клиентом,

формировала портфель заказов.

Близился декабрь, месяц самых сумасшедших продаж. Обычно Александра планировала несколько поездок только на первую половину месяца. Но в этом году ей фатально не везло. Клиенты, которым она звонила и сообщала предложения аукционов, мялись, сомневались и выказывали единодушные только в том, что не собирались выдавать авансов под покупки. Деньги кончались. Ей снова вспомнился Лыгин, и художница больно прикусила губу.

«А я размечталась, что он даст мне заработать! Всегда у нас все гладко сходило. Почему же теперь сорвалось? Необъяснимо. Не понимаю!»

Когда Александра встретила с Лыгиным в последний раз, он передал ей на реализацию не «пару коробок хлама», как грозился, а вполне полноценные коллекции. В основном бронзу и холодное оружие. Все это женщина продала сразу, с помощью Альбины, в архиве которой значилась чуть не сотня коллекционеров такого рода вещей. Но попадались среди «накоплений» Лыгина и странноватые экспонаты, с которыми Александра не всегда понимала, что делать...

Например, латинский молитвенник шестнадцатого века, с вырезанными в конце страницами. Глядя на срезы, женщина предположила, что они совсем свежие. Но кто испортил этот прелестный томик, переплетенный в красный бархат, вышитый потускневшим от времени жемчугом и золотыми нитями? Она решила спросить об этом Лыгина, ко-

гда ей не удалось сосватать молитвенник страстным любителям подобных предметов культа.

– Я звонила двум коллекционерам, и те сперва очень заинтересовались. Но я была вынуждена сказать, что в молитвеннике вырезана вся заупокойная служба, понимаете? – жаловалась Александра Лыгину по телефону. – Они пошли на попятный. Даже взглянуть не захотели. Что делать?

– Предлагайте еще кому-нибудь, – равнодушно отвечал Лыгин.

– Если бы молитвенник не был испорчен, я бы продала его за очень большие деньги... – осторожно продолжала художница.

– Но он испорчен, – так же невозмутимо сказал собеседник. – Что тут обсуждать? Ищите покупателя на то, что имеете.

– Вы не знаете, чьих это рук дело? Просто варварство, изрезать раритет 1553 года!

– Книга попала ко мне уже в таком виде. Я даже ничего не подозревал, пока вы не сказали.

– Боюсь, ее не удастся продать, – сокрушенно вздохнула женщина.

– Пусть полежит у вас. Может, подвернется покупатель. Мне она больше не нужна.

Молитвенник не нашел нового владельца по сей день.

Александра даже не предлагала его никому, твердо решив вернуть Лыгину при первом удобном случае. Но вчера она

собиралась в такой спешке, что забыла захватить книгу.

Также среди вещей, отданных ей прошлым летом на реализацию, были позеленевшие медные серьги и нагрудные украшения из какого-то кургана, горсть мелких монет Римской империи, несколько малоценных гемм, печаток и медальонов. Все, по мнению Александры, с нелегальных, «черных» раскопок. Ничем подобным Лыгин прежде не интересовался, его старые коллекции отличались избирательностью, даже рафинированностью. Он и сам признал, что эти последние, случайные приобретения были сделаны без цели и смысла.

– Я давно уже перестал заниматься антиквариатом прицельно, только набегам. Собирать хлам – скверная привычка. Но в последние годы я посвятил себя только одной теме. Это очень дорого, постоянно нужны деньги. Так что продавайте барахло, за сколько получится.

– А чем именно вы занимаетесь? – поинтересовалась Александра и нарвалась на грубый ответ:

– Вам это не по зубам. Впрочем, – прибавил Лыгин, будто раскаиваясь в своей резкости, – когда-нибудь я вас посвящу в некоторые детали. Уверен, ни с чем подобным вы еще не сталкивались!

...Лампочка, вдруг замигав, разгорелась ярче.

Александра вздрогнула, будто проснувшись. Кошка, давно уже тершаяся рядом, мягко боднула ее лбом в колено. Женщина взяла зверька на руки.

«Он даже не намекнул ни разу, чему отдает все силы и куда тратит деньги вот уже семь лет. Хотя семь лет – это лишь столько, сколько мы знакомы. Увлечение Лыгина явно родилось еще раньше. Сперва оно пожрало все его накопления, потом – великолепные коллекции. Его поглотило нечто иное, всесильное, чему он тайно служил. И вот вчера Лыгин решил посвятить меня в тайну... Передумал или струсил? Некоторые коллекционеры ревнивы, как влюбленные старики. Дрожат над своими сокровищами, боясь показать их кому-то... И хорошо, если сокровища того стоят!»

Прижимая к груди кошку, Александра свободной рукой взяла с полки злополучный молитвенник. Почти не осыпавшийся красный бархат, пожелтевшие пергаментные страницы, рукописный латинский текст, иллюстрированные в цвете заглавные буквы в начале каждого раздела. Вышивка жемчугом и золотом придавала переплету парадный, помпезный вид. Несколько веков назад его сжимала белая холеная ручка знатной дамы. На титульном листе значился год, когда молитвенник был переписан, – 1553 от Рождества Христова. Имя заказчицы, однако, отсутствовало.

«Если бы не эта заупокойная месса! Но даже и в таком виде молитвенник должны были оторвать у меня с руками. Тем более Лыгин никогда не настаивал на высоких ценах. В чем же дело? Подряд двое коллекционеров, некогда купивших у Альбины немало подобных книг, оборвали меня, едва выслушав предложение по телефону. Оба, не сговариваясь,

заявили, что им это не интересно ни по какой цене. Может, стоило настоять на встрече и показать молитвенник? Решать такие вопросы по телефону неэффективно. Но они не хотели встречаться. Спрашивали год издания, интересовались, как выглядит переплет, но как только слышали про заупокойную мессу, сразу отказывались».

Женщина положила молитвенник обратно на полку, спустила на пол кошку и принялась перелистывать красные тетради, одну за другой. Быть может, найдется еще какой-нибудь любитель подобных вещей? До сих пор Александра осваивала блокноты. К красным тетрадям она обращалась редко. В серые вообще никогда не заглядывала, полагая, что не стоит тратить силы и время на случайных клиентов.

Одна фамилия, замелькавшая на страницах очередной красной тетради, пробудила у нее смутные ассоциации. Буханков. Олег Буханков. У Альбины он приобретал антикварную мебель. Александра никогда с ним не контактировала. И все же имя было ей знакомо.

– Олег Буханков, ну конечно! – Женщина поднесла тетрадь ближе к свету, убеждаясь, что прочитала имя правильно. – Почему я сразу не вспомнила?!

Кошка протяжно, вопросительно мяукнула. Она так и не привыкла к тому, что хозяйка зачастую говорит и даже спорит сама с собой, как многие одинокие люди. Животное настораживалось всякий раз, когда Александра подавала голос, обращаясь не к ней.

– Понимаешь, Цици, – так художница сокращала звучное имя Цирцея, – это мой сокурсник, вместе учились в Питере, в Репинке. А у меня из головы вон! Он ведь был не москвич, а местный, я и не думала, что Буханков вдруг окажется здесь!

Она отлично помнила Олега, одного из трех парней, учившихся на искусствоведческом отделении, традиционно «девичьем». Тихий, бледный, невероятно худой, с длинными каштановыми волосами, собранными над шеей кожаным шнурком, с всегда опущенным взглядом. Он казался Александре слегка помешанным из-за странной манеры общения. Стоило с ним заговорить, по самому ничтожному поводу, как он мучительно напрягался и по его бескровным губам начинала расплзаться виноватая улыбка. Смотрел он куда угодно, но не в лицо собеседнику. Однажды Александра, в ту пору куда более резкая и прямолинейная, чем нынче, спросила его:

– Почему у тебя всегда такой вид, будто ты что-то украл?

Олег онемел и, перестав улыбаться, уставился куда-то в угол.

Больше они не общались. Александра и прежде-то едва обращала внимание на парня. А тут у нее случился роман с молодым скульптором, который вскоре стал ее первым мужем, и она вовсе забыла обо всем на свете.

И вот знакомые имя и фамилия черным по белому значились в красной тетради, ими была испещрена чуть ли не треть страниц. Женщина нашла номер мобильного телефо-

на. Адреса не было, особых пометок рядом с именем не имелось.

Она сама не знала, почему решила позвонить. Говорить им было не о чем, и Александра не принадлежала к числу людей, отыскивающих бывших сокурсников и одноклассников в различных социальных сетях, чтобы похвастаться достижениями и вспомнить былое. Но она слишком остро ощущала свое одиночество этим вечером. Хотелось услышать чей-то голос, пусть ненужный сердцу, давно забытый. И Александра набрала номер.

– Слушаю, – тут же ответил Олег.

– Привет, – теперь настала ее очередь смущаться, – ты меня, конечно, не узнаешь. Я Саша, твоя сокурсница, из Академии художеств.

– Помню тебя, сразу узнал. – Олег говорил быстро, напористо, в его голосе не осталось и следа былой невероятной застенчивости. – А ты меня как нашла?

– У нас имеется общая знакомая. – Александра немного приободрилась, поняв, что собеседник не держит на нее обиды. – Альбина Гуляева, ты у нее мебель ампир покупал.

– Альбину помню. Так вы с ней дружите? Она давно не звонила.

– Она в марте умерла.

– Вот как. – Олег даже не пытался изображать горе или сочувствие, и это понравилось художнице. Александра терпеть не могла людей, которые едва сознание не теряют, узнав

о смерти чужого им человека. Она считала, что подобные плакальщики, щедро льющие слезы, обесценивают горе тех, кто действительно скорбит по умершему.

— Альбина передала мне дела, теперь я за нее. Так что, если тебе что-нибудь нужно, могу поискать. Кстати, ту мебель, которую ты покупал, тоже в основном я подбирала. Вкусы твои знаю...

— Да я уже обставился, — помедлив, ответил Олег. — В общем...

— Ну, если надумаешь еще что-нибудь приобретать, звони. — Александра не была разочарована, она и не рассчитывала всерьез на какую-то сделку. — Ты ведь в Москве?

— Да, уж лет двенадцать.

— По профессии работаешь?

— По профессии! Насмешила. Так, продаю старье, покупаю, снова продаю... Диплом искусствоведа приговора исключительно для понта.

— И я тем же самым пробавляюсь, как ты уже понял. Торгую антиквариатом, ну, и реставрирую понемногу, случается.

— А картины пишешь?

— Бросила, — шутливо ответила Александра и засмеялась. — Для любителя я рисую слишком хорошо, для настоящего художника — посредственно. Я решила быть вообще никем.

— Мудрая позиция. — Олег, казалось, что-то обдумывал. —

Слушай, а мы могли бы увидаться? Я тут время от времени приобретаю кое-какую ересь, не то чтобы собираю, а так, балуюсь... Показал бы тебе свои сокровища.

– А я с удовольствием взгляну! Никогда не угадаешь, на почве чего люди с ума сходят! Это до того непредсказуемо! У меня есть один знакомый коллекционер, который открыл, что собирателям присущ некий «синдром шимпанзе». Человек вдруг охладевает к коллекции, и она становится для него кучей грязного хлама – все равно как для обезьяны!

– Лыгин?

Александра усомнилась, что расслышала правильно, и переспросила:

– Что? Как ты сказал?

– Это тебе говорил Лыгин? – с непонятной иронией повторил Олег.

– А вы знакомы?!

– Что тут удивительного? Разве такое уж редкое счастье с ним познакомиться? Знакомы, и не один год. Я же говорю, старьем приторговываю, он кое-что у меня покупал.

Александра обескураженно засмеялась:

– Если такой привереда, как Лыгин, «кое-что» у тебя покупал, то ты занимаешься антиквариатом куда серьезнее, чем пытаешься мне представить. И почему я с тобой никогда не сталкивалась?

– Потому что мы, видно, ходим разными дорожками, – туманно ответил мужчина. – Ну, так приедешь в гости?

– Если всерьез зовешь...

Олег снимал квартиру в Измайлово, недалеко от станции метро. Александра записала адрес и пообещала собраться к нему на днях.

– Да к чему церемонии, приезжай хотя бы и без сборов, – засмеялся мужчина. – Прямо сейчас!

– Уже поздно. – Художница взглянула на часы.

– А днем ты меня и дома-то не застанешь, я всегда возвращаюсь после десяти. Вот только-только приехал!

Она все еще колебалась. Энтузиазм первых минут прошел, и теперь Александра вовсе не была уверена в том, что ей хочется видеть бывшего сокурсника. Но Олег разбил ее сомнения, с удивительной прозорливостью предложив приманку:

– Поболтаем о Лыгине. Я давно искал случая перемыть ему косточки, да никто с ним тесно не водился. Он такой еж, руками не возьмешь! А ты, как я понял...

– Сейчас приеду.

Готовясь на выход, Александра уложила в объемистую брезентовую сумку несколько мелочей, рассчитывая показать их старому знакомому. В том числе она прихватила молитвенник, бережно обернув его в газету. «Чем черт не шутит, вдруг удастся продать? Молитвенник “от Лыгина” точно будет Буханкову интересен!»

...Она быстрым шагом шла к станции метро «Китай-город». Ежась в тонкой куртке, низко надвинув на лицо капю-

шон, Александра жалела о двух вещах: о том, что не оделась теплее, и о том, что вовсе не осталась дома. С неба сыпал дождь вперемешку со снегом, женщина отворачивалась от резкого ветра, норотившего дунуть в открытое горло и леденившего грудь. В метро она спустилась, ощущая себя совсем разбитой и простуженной. «О чем я думала? К кому еду? Если бы к другу...»

Олег обитал в новенькой кирпичной башне. Александра, вечно коченеющая на своем запущенном чердаке, была поражена чистотой подъезда, густым приятным теплом, исходящим от батарей. «На этой лестнице удобств больше, чем у меня в мастерской!» – не без зависти думала она, выходя из лифта на этаже, где жил Олег, и отмечая взглядом цветы на окне, ковровую дорожку на чистейшем плиточном полу...

Александра предполагала, что Олег сильно изменился, но мужчина, который открыл дверь, был как будто вовсе ей не знаком. Высокий, рослый, представительный, сильно поседевший шатен не торопился приглашать гостью в квартиру. Он рассматривал ее, не скрывая изумления, как показалось Александре, неприятного. Женщина смущенно улыбалась. Она тоже была поражена тем, что от прежнего тщедушного, болезненно робкого Буханкова ничего не осталось.

– Ты совсем другим стал! – вырвалось у нее.

– И ты... Едва признал... У тебя волосы тогда были другого цвета.

Женщина расхохоталась, ероша коротко подстриженные

темные пряди на макушке:

– «Онегин, я тогда моложе, я лучше, кажется, была...» Правда, в Питере я носила волосы длиннее и красила их в странный красный цвет. Но удивительно, что ты это вообще заметил!

– А я часто на тебя смотрел, только ты внимания не обращала. – Придя в себя, Олег отступил вглубь прихожей, делая пригласительный жест. – Ведь ты была самой красивой девушкой среди художниц!

– О, это сомнительный комплимент. – Александра переступила порог, сама себе удивляясь. Немыслимо – она слегка кокетничала с этим мужчиной, находя его интересным. – Там все были такие уродины!

– Я на других не заглядывался. – Хозяин повесил ее мокрую куртку на вешалку. – Идем, выпьем чего-нибудь, а то ты заболеешь. Я тоже намерзся сегодня зверски... Мотался целый день... Погода собачья.

Он ронял отрывистые фразы, а сам не сводил глаз с ее лица, словно никак не мог к нему привыкнуть. У Александры даже возникло ощущение, что Олег чего-то от нее ждет. Каких-то действий, объяснений. Она вопросительно подняла брови, и мужчина тут же спрятал взгляд в угол. На миг перед ней мелькнул прежний Буханков. Но только на миг. Александра даже решила, что это смятение в его глазах ей померещилось. Почему он должен был смущаться?

Единственную комнату в квартире загромождала мебель,

частично спрятанная под целлофаном. Повсюду стояли не распакованные коробки и сумки. Олег тут же пояснил:

– Недавно переехал, а разбирать вещи времени нет. Но кое-что я для тебя все равно откопаю.

– Я тоже прихватила несколько пустяков, – призналась женщина, присаживаясь на диван. – В основном ерунда, конечно, но есть одна загадочная вещь. Она попала ко мне от Лыгина, он просил продать.

– Ты близко его знаешь? – Олег высунулся из серванта, держа в зубах пробку от бутылки. Он слегка шепелявил: – Всерьез с ним завязана?

– Всерьез... – Александра отмахнулась, принимая низкий пузатый бокал, на треть наполненный коньяком. – Нет, это громко сказано. Но я распродала его имущество, целых пять лет подряд. Потом был еще один эпизод... И, в общем, на этом все.

– Так это ты помогла старику пустить по ветру все его знаменитые тайные сокровища? – Олег присел рядом. Он покачивал в сомкнутых ладонях бокал, согревая коньяк. – Небось, гордишься тем, что участвовала в этом безумии.

– Я еле выбралась из депрессии, когда все закончилось!

Александра сделала маленький глоток и закрыла глаза, откинувшись на спинку дивана. В квартире было тепло и тихо, в окна ритмично барабанил дождь. Как будто некто набирал воду горстями и через равные промежутки времени швырял в стекла. Где-то за стеной, у соседей, слышалась приглушен-

ная музыка. Александра вспомнила, что перевалило за одиннадцать, подумала о ледяной мансарде, которая ждала ее по возвращении, и тяжело вздохнула.

– Что вдруг замолчала? – осведомился Олег, ставя опустевший бокал на журнальный столик и закуривая.

– Накатило... Задумалась, почему я не живу, как все люди. Не могу жить, как все, или не хочу?

– А я даже не задумываюсь ни о чем, – фыркнул Олег. – Прежде тратил время на эту ерунду, только и спрашивал себя: а что обо мне подумают, что скажут, нравлюсь я кому-то или не нравлюсь?... А как только перестал мучиться впустую, жизнь наладилась. Уехал в Москву и все начал с чистого листа.

– Может быть, мне тоже надо уехать подальше, – тихо говорила Александра. – Засасывает какая-то черная трясина. Весной умерла лучшая подруга, тогда же я ввязалась в историю, которая едва меня саму в могилу не свела... И вот сейчас опять происходит что-то странное, и мне это не нравится, очень не нравится.

– А что конкретно происходит? – после паузы спросил мужчина.

Александра вдруг испытала сильное желание расплакаться, излить душу. Это испугало ее. «Неужели я настолько одинока, что готова откровенничать с человеком, который мне даже не близок?» Она встряхнулась и постаралась как можно более естественно улыбнуться:

– Ерунда, чепуха. Ты же в курсе, наверное, какой мерзкий характер у Лыгина? Он меня вчера, на ночь глядя, позвал в гости, а сам куда-то уехал. Ни записки не оставил, ничего.

– Меня он отродясь не звал в гости. – Олег рассматривал женщину в упор, с бесцеремонной пытливостью, будто пытаясь прочесть ее мысли.

И на этот раз глаза опустила Александра. «Как же он изменился! Невероятно изменился!»

– Ты говорила, старик дал тебе для продажи какую-то вещь? – Буханков продолжал сверлить гостью взглядом. – Любопытно взглянуть. Знаешь, а я вот никогда не бывал у него в гостях, он меня и на порог не пускал. Сам ко мне заглядывал. Последний раз это случилось, помнится...

Александра, усердно копавшаяся в своей сумке, в этот миг повернулась к нему с молитвенником в руке. Газета, шурша, упала на пол, и Олег тут же замолчал. Мужчина высоко поднял брови, часто моргая, до смешного напоминая прежнего, нелепого парня. У Александры даже от души отлегло. Ее почти пугало его удивительное преображение, из-за этого мужчина казался ей едва не оборотнем.

– Вот, представь, молитвенник 1553 года. – Она протянула книжку Олегу, все еще сидевшему совершенно неподвижно. – И я никак не могу его продать. Не буду скрывать, есть небольшой недостаток...

– Я знаю, – кивнул мужчина, с трудом стряхнув оцепенение. – Там одна заставка нарисована дважды.

– Прости? – Теперь настала ее очередь удивляться.

– Дорсетширское аббатство нарисовано дважды, в начале первого раздела и в конце, перед заупокойной мессой. – Олег взял молитвенник. – Но я никогда не считал это недостатком. Скорее, интересный изъян, увеличивающий ценность в разы. Так бывает у почтовых марок – надпись кверху ногами или опечатка.

– Но я имела в виду нечто иное...

Александра не договорила. Олег заглянул в молитвенник, и книга открылась как раз на месте вырезанных страниц. Она услышала короткий хриплый выдох, вырвавшийся из груди мужчины.

– Господи Иисусе... – прошептал Олег, лихорадочно перелистывая остальные разделы. – Старик сошел с ума... Он же чуть не на коленях ползал передо мной, умоляя продать этот молитвенник, и все ради того, чтобы его изуродовать!

– Это ужасно. – Александра передернула плечами, будто на них вновь оказалась насквозь промокшая куртка. – Просто нож в сердце!

– Я ему этого не спущу! – Олег страшно изменился в лице. – Старик ответит за каждую страницу! Я упрячу его в сумасшедший дом, ему давно туда пора!

Он повернулся к женщине, запальчиво потрясая книгой перед самым ее лицом:

– Жемчужина моей коллекции! Я держался за этот молитвенник, я не расстался бы с ним ни за какие деньги! А ста-

рый могильный червяк вполз мне в душу, ныл, упрашивал, предлагал вещи на обмен... И нашел-таки, чем взять... Но если бы я подозревал... Если бы знал...

Александра молча плеснула в его бокал еще немного коньяка, полагая, что в такую минуту любые слова будут лишними. Олег залпом выпил и сипло закончил:

– Пристукнул бы его!

– Попробуй успокоиться, – вздохнула женщина. – Знаешь ведь, как это бывает... Трудно привыкнуть к мысли, что вещь, которую ты продал, уже не твоя. Но она не твоя. Ее могут испортить, потерять, подарить, выбросить... Это надо принять.

– ЗАЧЕМ он это сотворил?!

Олег стиснул лицо ладонями. Когда он отнял их, кожа на его лбу покраснела, глаза увлажнились. Он выглядел подавленным.

– На этот вопрос может ответить только сам Лыгин, – заметила Александра. – Но боюсь, найти его теперь будет не просто. От квартиры он избавился, с дачи, где жил последние годы, исчез. Остается ждать, когда он сам соизволит объявиться.

Мужчина покачал головой, глядя в пустоту:

– Я ждать не буду. У меня к нему есть разговор.

– Когда найдешь Лыгина, позвони мне, я тоже мечтаю сказать ему пару слов! – Александра пыталась говорить в шутовском тоне. Она проклинала себя за то, что ненароком вы-

звала бурю.

– Обязательно позвоню. – Олег проговорил это с такой ненавистью, что женщина содрогнулась. – Ты сможешь навестить его в больнице.

– Олег, ты что же, собираешься его бить?!

– Непременно. Этот тип знал, ЧТО покупает, я все ему рассказал... И все же он поднял нож на эту книгу! После этого он не антиквар. Он после этого для меня вообще никто.

– Я, к стыду своему, так и не поняла, чем примечателен этот молитвенник, – виновато произнесла Александра. – Это не моя специализация. Я нечасто имею дело с книгами. Да и читаю все больше по необходимости, листаю альбомы, справочники... Другое дело – ты! Я всегда считала вас, искусствоведов, какой-то невероятно просвещенной публикой... О чем говорить, если среди моих сокурсников встречались экземпляры, которые даже к выпускным экзаменам так и не узнали, кто такой, например, Домье... Сами все гении...

Казалось, Олег пропустил мимо ушей ее неприкрыто лестную сентенцию, продиктованную как любопытством, так и желанием разрядить ситуацию. Он перелистывал молитвенник, то и дело поднося его к свету бра, горящего над диваном. Лицо Олега хранило отсутствующее и страдальческое выражение, словно он вел с кем-то неслышимый разговор на болезненную тему. Александра уже изобретала предлог, чтобы попрощаться и уйти, когда Буханков вдруг заговорил.

Глава 3

– Случалось тебе когда-нибудь делать находку всей своей жизни? – спросил мужчина, по-прежнему обращаясь к раскрытому молитвеннику. – Бывало у тебя такое?

– Да, и совсем недавно, в этом году... – начала художница, но осеклась, поняв, что ее ответ собеседнику неинтересен. Да и сама Александра предпочитала сейчас не говорить, а слушать.

– Лучшие находки делаются случайно, – продолжал Олег, не отрывая взгляда от пергаментной страницы, на которой красовалась заключенная в рамку-медальон иллюстрация, необычайно тонко написанная и раскрашенная с наивной яркостью.

Александра и сама не раз любовалась этой картинкой. Это была сцена поклонения волхвов. Монастырский живописец изобразил святое семейство и трех магов в современных ему европейских одеждах, нисколько не заботясь о правдоподобии. Их лица также не имели ничего общего с восточными прообразами. Дева Мария, белокурая дама с узким анемичным лицом и пронзительно голубыми глазами, вообще казалась Александре портретом заказчицы этого роскошного молитвенника, который мог стоять целое состояние.

– Вот так же случайно я взял в руки этот молитвенник, когда приехал в Берлин к одному своему приятелю, собира-

телю не по призванию, а от избытка денег. Он только что получил значительное наследство, и ему взбрело в голову, видишь ли, что в нестабильные сегодняшние времена нет ничего стабильнее прошлого. Он и начал скупать вещи, не очень-то вникая в то, что приобретает. Разумеется, у него сразу появилась целая свита советчиков и посредников, этих вшей, питающихся чужой плотью и кровью. Они жирели и процветали, а мой приятель набивал три комнаты своей квартиры несусветным хламом, который почитал бог вещь за какие сокровища!

Олег отрывисто рассмеялся, положил наконец молитвенник на столик и снова наполнил бокалы коньяком.

– У меня где-то тут была плитка шоколада, – встрепенулся он, увидев, что Александра даже не поднесла бокала к губам. – Сейчас найду... Больше ничего, увы...

– Не хлопочи, я все равно больше пить не буду, – остановила его женщина.

– Ну а я выпью. До чего расстроил этот старый бес!

Из дальнейшего рассказа Александра узнала, как берлинский приятель Буханкова принялся хвастаться перед Олегом коллекциями, от одного беглого взгляда на которые у того потемнело в глазах.

– Это была несусветная ерунда. Большей частью подделки или вещи куда менее ценные и старинные, чем думал этот горе-коллекционер. Бедняга Клаус считал себя обладателем эскизов Кранаха, вышивок эпохи Карла IV, частей коронаци-

онных доспехов императора Максимилиана II... Надо признаться, подделки могли ввести в заблуждение любого дилетанта, а на другое звание Клаус никогда и не претендовал. Он сиял от счастья, когда я осматривал эти «сокровища», требовал угадать, сколько он за них заплатил, просил оценить коллекцию – по самым скромным меркам... Словом, я оказался в глупейшей ситуации.

Олег признался, что боролся с желанием выложить приятелю всю жестокую правду, поведав ему, как «удачно» тот вложил немалые деньги, внезапно полученные в качестве наследства. И в то же время ему не хотелось становиться «черным вестником».

– В моей жизни уже случалось такое. Хорошая знакомая была фанаткой одного британского актера, человека очень пожилого. И вот я из иностранной газеты узнал, что он умер. В русской прессе нигде об этом не говорилось, у нас он почти неизвестен. Я привез ей эту газету... И больше она никогда мне не звонила и на мои звонки не отвечала. А ведь мне показалось тогда, что она даже не особо огорчилась, увидев некролог! Вы, женщины, вообще загадочные существа!

– Какая глубокая мысль! – усмехнулась Александра. – Главное, свежая!

– Но верная! – парировал Олег. – Значит, стоял я среди этого мусорного развала и думал, как бы исхитриться – не рубить сплеча, не доводить друга до сердечного приступа и одновременно убедить его бросить затею разбогатеть на

антиквариате. Сперва чесался язык открыть ему глаза... А потом я подумал – что толку? Деньги он уже все равно израсходовал, прихлебатели разом отстали, как только банковский счет опустел. Пусть живет среди «сокровищ» и радуется им потихоньку.

Олег милосердно утаил истину и выразил сдержанное одобрение всем сделанным покупкам. Клаус был немного обижен суховатой похвалой, но наверняка решил, что русский друг ему просто позавидовал. А Олег тем временем рассматривал альбомы с гравюрами – роскошно переплетенные в кожу и бархат образцы салонного декора конца девятнадцатого столетия. Такие альбомы некогда лежали во всех гостиных, служа развлечением для гостей, не знавших, как убить скучный вечер, и подтверждая высокий социальный статус хозяев дома. Новый владелец искренне считал их раритетом.

– Если бы этот бедный осел дал себе труд зайти в любой букинистический магазин, каких в его районе десятки, он бы купил такой альбом за восемьдесят евро штука, и ему были бы еще благодарны, потому что качество гравюр в изданиях такого рода невысокое. Рыночный товар. И вот я листал проклятые альбомы, раздумывая о тщете всего земного, и вдруг обнаружил среди макулатурных завалов книжицу карманного формата – вот эту самую, сударыня! – И Олег любовно взглянул на молитвенник. – Я взял томик, начал его осматривать... Это было как глоток свежей воды, после того как поневоле напьешься из грязной лужи. Я сразу увидел, что

передо мной подлинник. Не просто молитвенник середины шестнадцатого века, а книга говорящая, знаковая. Сам год его появления на свет чего стоит! Саша, разве тебе он ничего не говорит?

– Тысяча пятьсот пятьдесят третий? – Александра с неуверенной улыбкой качнула головой. – Но... разве тут есть некое особое значение?

– Католический молитвенник, переписанный для некоей знатной английской дамы в самый разгар Реформации... – внушительным тоном пояснял Олег. – В год, когда скончался Эдуард VI и на трон попыталась воссесть леди Джейн Грей, правившая Англией всего несколько дней... Год, когда воцарилась законная наследница престола, дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской Мария Тюдор. Англия, вышедшая было из-под власти папы, при ней вновь становится католической. В самом мрачном и кровавом испанском стиле. Вновь открываются закрытые Генрихом монастыри. В монастырских библиотеках усаживаются за работу переписчики священных книг и молитвенников. Рядом с ними сидят иллюстраторы – безвестные, кропотливые труженики, зачастую большие художники.

Олег умолк. Александра не прерывала установившегося молчания. С заблестевшими глазами она взяла молитвенник, который столько раз держала в руках, листала, рассматривала, не давая себе труда как следует задуматься о его происхождении.

– Я почему-то считала его французским, – почти шепотом вымолвила женщина, медленно перелистывая страницы.

– Почему бы тогда не итальянским? – не скрывая иронии, подхватил Олег. – Признаться, я бы скорее отдал голос за Италию. Переплет совершенно в римском духе – красный бархат, золото, жемчужная сетка. Вещица для сумочки знатной куртизанки, любовницы епископа или кардинала. Но я тут же обратил внимание на иллюстрации. Прежде всего, на первую.

– Это и есть Дорсетширское аббатство? – Александра открыла нужную страницу. Четверть листа занимала заглавная буква, причудливо выписанная на фоне старинного замка еще романской постройки. Во всяком случае, Александра принимала это здание за замок.

– Ну, это я понял не сразу, – признался Олег. – Зато подлинность молитвенника была для меня несомненной.

Со слов Буханкова, Клаус, увидев заинтересованность друга, сделал широкий жест и предложил книгу в дар. Олег уверял, что долго отказывался, ведь одна эта вещь могла стоить намного больше, чем все прочие приобретения. Александра, согласно кивавшая в такт рассказу, со своей стороны была уверена, что Олег молитвенник выпросил или купил. Так или иначе, книга оказалась у него. По приезду в Москву новый владелец принялся более пристально исследовать трофей.

– Меня сразу заинтересовало то, что на титульном листе

нет обычной для таких книг формальной надписи: «Сей молитвенник, принадлежащий благородной леди (или даме, далее титул), переписан в лето от Рождества Христова (далее год) смиренным братом (имя монаха) в аббатстве (или монастыре, далее название). А здесь ничего, ровным счетом. Только год. Это указывало на определенную степень конспирации.

Олегу сразу пришла на ум Реформация. Монах-переписчик явно работал не легально, в монастыре, а подпольно, в доме своего высокого покровителя. Буханков тщательно исследовал молитвенник и предположил, что старинное крепостное здание, изображенное в начале первого раздела, и есть аббатство, из которого происходил монах. Но тут же он обратил внимание на то, что такая же заставка имеется и в начале последнего раздела. Ошибка немыслимая для времен, когда книга являлась предметом культа, объектом долгих кропотливых трудов!

– Я предположил, что книгу переписывали и иллюстрировали частями, в разных местах, и один художник не ведал, что делал другой. После разрозненные части свели воедино и переплели. К тому моменту я уже не сомневался, что имею дело с раритетом английского происхождения. В 1553 году, вплоть до августа, в стране господствовала протестантская реакция. Монастыри были закрыты, церковное имущество и земли конфискованы. Хотя епископат, догмы и обряды формально оставались неприкосновенными, значения это уже не

имело. Монахи превратились в бродячую братию, голодную, озлобленную и опасную. Именно в эти черные для католической церкви времена и был создан молитвенник. Уж точно до воцарения Кровавой Марии. Налицо строжайшая конспирация...

– А для кого он был переписан, Олег? – решила спросить Александра. – Ты пытался узнать?

– Собственно, точно узнать это невозможно. – Буханков взял у нее молитвенник. – Зацепок никаких. Мне удалось лишь опознать аббатство... Пришлось долго рыться в архивах и сличать снимки, прежде чем я нашел гравюру, где это здание было изображено в том же ракурсе. Это оказалось аббатство графства Дорсетшир.

Аббатство, как выяснил Олег, в самом деле было закрыто и разорено в годы торжества Реформации. Монахи разбежались, и лишь в год свадьбы Марии Тюдор стали возвращаться на место. Гонения католиков в графстве усугублялись тем, что карательные операции лично курировал сэр Генри Грей, четвертый маркиз Дорсет, отец леди Джейн Грей, едва не узурпировавшей английский престол во главе протестантской партии.

– Далее мои поиски были обречены на провал, – продолжал Олег, явно наслаждаясь вниманием слушательницы. – Я мог сколько угодно листать «Книгу пэров» – толку-то? Ясно одно, некий представитель католической знати Дорсетшира в этот смутный год отдавал замуж дочь. Молитвенник похо-

дил на свадебный. Но список имен невест мог оказаться как огромным, так и неточным. Семьи в ту эпоху были, как правило, большие, а учет церковных браков в пору Реформации велся не слишком строгий. Достаточно вспомнить, что многие церкви были попросту сожжены вместе со всеми церковными книгами.

Олег снова открыл молитвенник на иллюстрации, изображавшей поклонение волхвов, и сделал Александре знак придвинуться поближе.

– Взгляни, ведь это портреты! Дева Мария на десять страниц раньше – это каноническая Мадонна Ренессанса. Дева Мария в цикле покаянных псалмов – канонична. Но эта, в сцене Рождества Христова, отличается от тех двух, как луна от солнца.

На ней пурпурное платье, отороченное широким горностаем, – символ принадлежности к королевской семье. Волосы украшены золотой сеткой с жемчугом и драгоценными камнями. Традиционно Мадонна изображается в синем платье и белом головном покрывале. Кто же эта особа, дерзнувшая заказать свое изображение при таких королевских регалиях? – И, переведя дух, Олег торжествующе закончил: – Кто же она, как не сама леди Джейн Грей, захватчица престола? Может быть, это свадебный молитвенник. Но это может быть и молитвенник для коронации. Пусть для протестантки это формальность, дань пока не умершим традициям, но она могла быть соблюдена. Еще многие десятилетия в

рамках англиканской церкви упорно жили католические каноны! Леди Джейн Грей... Злосчастная самозванка, чья гордая голова скатилась на эшафот вместе с головой ее мужа, лорда Гилфорда Дадли, и свекра, графа Уорвика... Именно лорд Дадли изображен здесь в виде Иосифа, а граф Уорвик – волхв, подающий Мадонне золотой венец. Венец Англии, не больше не меньше, венец, который он выманил для своей невестки у умирающего Эдуарда VI! Это молитвенник заговорщиков!

– Но это невероятно ценная реликвия! – воскликнула Александра. Однако восторг, охвативший ее, мгновенно сменился отчаянием, стоило вспомнить, какой страшный урон нанесен книге.

– Теперь ты понимаешь, что натворил этот негодяй! – подвел итог Олег.

– Понимаю... Но поверить не могу.

Ей вспомнились хладнокровные и циничные рассуждения Лыгина об относительной ценности предметов старины. «Для ценителя картина Ватто – это вечный шедевр. Для дилетанта картина Ватто – тоже вечный шедевр. Но для шимпанзе – это просто заманчиво пахнущий кусок старой грязной тряпки». Лыгин говорил, что стоит ему потерять интерес к предмету, как он превращается в шимпанзе, способного все уничтожить, растоптать, испачкать. «Тогда я выслушала эти рассуждения как нечто отвлеченное. Даже прониклась ими отчасти. Но поверить, что он способен скатиться

до вандализма, ни за что не смогла бы!»

– Когда он отдал тебе молитвенник?

– Прошлым летом, – очнулась от задумчивости женщина.

– Примерно тогда же я встретил его в последний раз, – с ненавистью проговорил Олег. – И он мне ни словом не намекнул, гад... Только все усмехался, разглагольствовал о своем тайном увлечении.

– Мне он тоже об этом говорил, но до чего туманно! – поддакнула Александра. – А чем конкретно Лыгин занялся?

– Да разве он прямо скажет? Все разговоры велись лишь на тему, как дорого ему это обходится да как он всех паразит... «Всех, способных оценить!» – твердил этот надутый индюк! Разумеется, он же голубая кровь, аристократ, а мы все плебеи!

– А Лыгин правда аристократ? – со жгучим интересом спросила женщина. – Я слышала, он сын военного, какого-то генерала...

– Он такой же сын генерала, как я! – фыркнул Олег. – Его отец – немецкий военнопленный, а мать была женой действительно генерала. Скандал с появлением Лыгина на свет вышел несусветный, поскольку генерал, отвоевав, явился к жене только в конце сорок пятого, когда ребенок уже умел пользоваться горшком, ложкой и говорил «мама». В результате генерал прямой наводкой отправился в лагерь, военнопленный из лагеря досрочно вернулся домой, в Германию, за хорошее поведение и идеологическую активность, не ина-

че! А мать с ребенком остались одни, в эвакуации, где этот несуразный роман имел место быть!

Олег внезапно начал изъясняться в ломаной, неприятной манере, словно находя извращенное наслаждение в том, чтобы вытащить на свет грязное белье ненавистного ему человека.

– Потом они переползли-таки в Москву. А после смерти Сталина и генерал вернулся, живой, поутихший. И как ни удивительно, супруги вновь стали жить вместе. Даже пользовались привилегиями. Квартира в центре, машина, дача. Не тот домишко, где теперь окопался Лыгин. Отцовскую дачу он продал еще в девяностых.

– Откуда тебе все это известно? – недоверчиво поинтересовалась женщина. Она вспомнила, как Альбина, знавшая все про всех, ничего не смогла рассказать о Лыгине.

– От бывшей супруги этого старого пройдохи, – небрежно бросил Олег. – Имел счастье как-то с ней познакомиться. Прежде я даже сочувствовал Лыгину – жить с такой женщиной, значит, гарантированно обеспечить себе ранний инфаркт! Подобная особа ради своих целей убьет и не задумается. Но теперь мне очень жаль, что они развелись! Она бы давно уложила муженька в могилу, и он не успел бы изуродовать молитвенник! Зачем этот урод вырезал заупокойную мессу?!

– Может, все-таки это не он? – осторожно предположила Александра. – Мне Лыгин сказал, что даже не подозревал о

вырезанных страницах, что молитвенник, попал к нему уже в таком виде.

Она тут же пожалела о своих словах. Лицо мужчины сделалось прямо-таки землистым. Он прошипел:

– Ложь, наглая ложь! Лыгин получил молитвенник прямо из моих рук. Я битый час повторял ему все, что мне удалось разузнать, умолял беречь эту книгу и ни в коем случае не продавать ее на сторону, если вдруг вздумается. Я бы сам выкупил ее обратно! Хотя даже цену назвать затрудняюсь. Мы-то с ним менялись!

– Если не секрет, на что?

– Негодяй соблазнил меня редким герметическим трактатом Фомы Эвбия, прижизненным списком конца пятнадцатого века. «Пустая опочивальня черного ворона» – слышала о таком? – И так как Александра отрицательно покачала головой, Буханков с укоризной продолжил: – А ведь это своеобразная библия алхимиков, наряду с творениями Иренея Филалета. Наверняка трактат Эвбия краденый, из Венской пинакотeki. Лет десять назад там вдруг недосчитались нескольких раритетов. Найдено ничего, конечно, не было. Другой, так называемый еретический вариант трактата хранится в Ватикане. Его никто в руках не держал, в глаза не видел, снимков с него нет... И по всей вероятности, он под более надежной охраной. Во всяком случае, я не слышал, чтобы он пропадал, хотя святые отцы не любят поднимать шумиху вокруг своих промахов... Но у меня, конечно, вен-

ский вариант. Лыгину я вопросов не задавал... Когда занимаешься антиквариатом, быстро учишься радоваться молча!

Внезапно Александре попались на глаза настольные часы, полускрытые стопкой книг. Женщина испуганно вскочила с дивана:

– Боже, ну и засиделась я! Первый час ночи!

– Я отвезу тебя домой. – Олег, заметно пошатываясь, принялся натягивать куртку, висевшую на спинке кресла. – Нет проблем.

– Ты же выпил...

– Не в первый раз...

– Нет, я с тобой не поеду, – решительно сказала женщина. – Разве что на такси.

– Как скажешь. – Буханков, казалось, почти не слушал. Вид у него был больной, на высоком, слегка полысевшем лбу проступила испарина. – Все равно отвезу.

Она смотрела, как Олег одевается, ищет на столе телефон, сигареты – не глядя, уставившись в пустое пространство, как сомнамбула. На сердце у художницы было тяжело. Александра понимала, какой страшный удар ненароком нанесла, понимала, что должен переживать коллекционер, над чьим открытием надругались так грубо, варварски. Но она и сама сегодня получила ощутимую рану. Ее вера в Лыгина («А во что я верила, совсем его не зная?!») была так же безжалостно искромсана, как молитвенник леди Джейн Грей.

«Он казался мне неприятным, заносчивым, загадочным...

Но я его безотчетно уважала. Хотя бы за умение составить уникальную коллекцию. За вкус, за эрудицию, за внутреннюю силу, которую всегда ощущала в нем. Те редкие беседы, которыми он меня удостаивал, я ценила больше, чем показывала, больше, чем сама себе в этом признавалась. Даже спросила себя как-то раз – всего один раз! – смогла бы я полюбить такого человека и каково это, любить его? Но теперь... Неужели он и правда сумасшедший?!»

Олег наконец собрался. Александра, поколебавшись, положила в сумку злополучный молитвенник и виновато пояснила:

– Я бы оставила тебе книгу, но... Придется потом отвечать перед Лыгиным.

– Зачем такие жертвы, – отмахнулся Буханков. – Что кончено, то кончено. Ты все на часы смотришь, опаздываешь? Кто-то ждет?

– Только кошка, – призналась Александра. – А на часы смотрю потому, что вчера, как раз в это время, я плутала по дачному поселку, где у Лыгина дом. В полной тьме, одна, под дождем... Признаться, было страшно. И ровно в тридцать две минуты первого, то есть как раз сутки назад, на его участке зажегся фонарь.

– Так ты с ним все же виделась вчера?

– Нет. Дом был пуст. Открыт, но пуст. Во дворе горел фонарь, наверху, в мансарде, включена лампа, но меня никто не ждал. Пустая опочивальня черного ворона...

Александра сама не знала, почему процитировала это название. Ей вдруг пришло на ум, что Лыгин очень похож на ворона. «И его спальня была пуста, когда я приехала. Пуста, и дом открыт... А утром, когда приехала его дочь, дом оказался заперт... И это невозможно понять, как нельзя понять, почему Олег смотрит на меня сейчас такими безумными глазами!»

А он смотрел так странно, что женщина встревожилась:

– Что случилось?

– Почему ты так сказала? – глухо спросил он. Казалось, мужчина разом протрезвел. Его взгляд сделался колючим, цепким.

– Но ты же сам говорил о трактате, на который поменялся...

– И ты поэтому так сказала? – Олег не сводил с нее глаз, и Александра окончательно расхотела, чтобы он ее провожал.

«Этот тоже не вполне нормальный. Боже мой, господа коллекционеры все, как на подбор, кандидаты в дурдом! Успею я на метро? Еще смогу, если бегом. Или придется отдать последние гроши за такси. Дураки обречены платить, а я свалила дурака, сорвавшись вечером из дома!»

– Ты оставайся, я и одна доберусь, – твердо сказала она, застегивая куртку и направляясь к двери. – Ничего страшного. Я не ребенок.

Но Олег слышать ничего не хотел. Он так и вцепился в локоть женщине, словно боясь, как бы та не сбежала. Оказав-

шись на улице, он все же разжал руку, чтобы поймать такси. Александра хмуро стояла рядом. Ей не хотелось, чтобы Олег узнал, где она живет. «Но что делать? Удрать, назвать неверный адрес, что-нибудь соврать? Все глупо. Какой у него был тяжелый взгляд! Тяжелый и подозрительный. Будто он искал в моих словах смысл, которого в них нет. В институте он казался мне слегка сдвинутым. И почему я вдруг решила, что с ним все в порядке? Поторопилась!»

А Олег, поймав машину и усадив спутницу на заднее сиденье, устроился с нею рядом, не переставая рассуждать:

– Ты теперь не теряйся, и я буду иметь тебя в виду. Договорились? Старые друзья не должны друг друга сторониться.

«Нашел друга! – безмолвно комментировала женщина, почти не слушая рассуждений Буханкова и посылая ему вымученную улыбку. – И зачем я сказала про кошку?! Он же мог воспринять это как аванс, дескать, я свободна и готова к близким отношениям... Нет, надо немедленно все прояснить!» Но «прояснить все немедленно» мешал таксист.

– Я найду тебе новых клиентов, – бормотал Олег. Его язык заметно заплетался. – У меня куча знакомств. Почему мы с тобой раньше не встречались в Москве?

– В самом деле, почему? – тоскливо бросила Александра, отворачиваясь и глядя в окно.

– Злишься, что ли? – Подвыпивший мужчина заметил наконец ее раздражение. – В чем дело? У меня нынче траур, а у тебя – что за беда?

– Я думаю о том, что совсем не разбираюсь в людях, – мрачно ответила она. – Неприятно ошибиться в ком-то, да еще так сильно...

– Неприятно! – воскликнул Олег. – Замечательное словечко – «неприятно»! А уж как мне неприятно, если бы ты знала!

– Я способна понять твои чувства. Я тоже не макаронами торгую, – огрызнулась Александра.

– Если у тебя плохое настроение, попробуй немного помолчать!

– Ради Бога... Я не просила меня провожать! Остановите, пожалуйста! – Последние слова она адресовала уже водителю. – А ты, Олег, езжай домой. Я отсюда пешком за минуту доберусь.

Машина остановилась на Солянке, и Александра, не дав спутнику опомниться, выскочила на тротуар и хлопнула дверцей. Она шла быстро, почти бежала, не оглядываясь. На углу Подколокольного переулка все же замедлила шаг, обернулась. Никто ее не преследовал. Редкие в эту пору машины сейчас отсутствовали вовсе.

Александра перевела дух. Незапланированное свидание, начавшееся так неожиданно, закончилось еще более странно. «В будущем, если Олег в моем присутствии начнет выпивать, лучше сразу исчезать. В институте он, помнится, не пил совсем. Чуть ли не единственный на всех курсах!»

Женщина часто возвращалась домой пешком после за-

крытия метро. Она привыкла к этим кривым, горбатым переулкам, как привыкают к любимой одежде, к комнате, в которой прожито много лет. Она знала каждую трещину в асфальте, каждое окно, имевшее обыкновение светиться за полночь.

Александра ничего и никого здесь не боялась и теперь шла не торопясь, жадно вдыхая холодный воздух, освеженный недавним дождем. С неба изредка капало, в апельсиновом свете фонарей дымился поднимающийся туман. Спрятав озябшие пальцы в рукава куртки, она опустила голову и следила за собственной черной тенью, влачившейся рядом по узкому тротуару.

Вот и ветхий особняк, занятый под мастерские. Дверь подъезда, как всегда, распахнута. Света на лестнице нет. Лампочки не имеет смысла вворачивать, они перегорают в первый же час из-за скачков напряжения в изношенных сетях и неисправных патронов. Александра вошла в подъезд, привычно нащупывая в темноте носком сапога первую выщербленную ступеньку. Она могла бы подняться к себе в мансарду, на пятый этаж, с закрытыми глазами. Темноту женщина воспринимала как должное. «Жить в этой трущобе и чего-то бояться – слишком большая роскошь. Я бы давно отсюда сбежала, если бы не закалилась физически и морально!»

На площадке второго этажа ей почудилось движение в углу. Женщина остановилась, прислушиваясь. Впрочем, тут

же успокоилась. Знакомый едкий запах мебельного клея и лака немедленно сообщил, кто находится в шаге от нее.

– Сергей Петрович? – окликнула Александра темную массу, копошащуюся под окном, забитым фанерой. – Что же вы на лестнице сидите?

– Мм...

– Выпили? – Вздохнув, она наклонилась и попыталась поставить мужчину на ноги. – Вам же нельзя. Вас же доктор еще весной предупреждал, что почки совсем откажут. Вы как ребенок.

Старый реставратор мебели, занимавший квартиру на третьем этаже, только неразборчиво мычал, повисая на ее плече. Александра едва дотасила его до нужной двери, сама отперла замок и довела спотыкающегося соседа до кровати.

– Ну вот. – Тяжело дыша, художница свалила свою ношу на матрац, застланный обрывком простыни. – Всего-то сделать пару шагов... Нельзя опускаться, спать в подъезде. А где ваши таблетки? Забываете принимать? Как не стыдно, вы же себя убиваете!

– Ладно тебе, Саша, – слабым голосом ответил реставратор. – Принеси-ка водички. На окне банка стоит.

Она напоила старика, оставила ему свои сигареты и спички. Спившийся, опустившийся, жалкий, он был ей памятен по прежним временам как один из самых успешных и популярных московских мастеров. Александра смотрела на беспомощную развалину, стонущую на кровати, и вспоминала

покойного мужа. «Немногие из русских художников начала восьмидесятых годов могли бы похвалиться таким ярким началом и таким бесславным концом, как Иван Корзухин», – припомнилась ей фраза из обзорной статьи, напечатанной в каталоге выставки сразу после его смерти. Тогда она почувствовала себя оскорбленной. «Беславный конец» – это было как плевок на могилу. Но сейчас, глядя на корчащееся перед ней тело, Александра подумала, что критик выразился еще очень мягко. «Беславный конец... Это не беда и не обида. О славе судят не современники, а потомки. Хуже, когда человек сам себя переживает. Плоть еще ворочается, дышит, страдает... А дух уже погиб!»

– Ты уходи, я засну, – прошептал Сергей Петрович, не открывая глаз. – Свет оставь.

– Таблетки все-таки примите, когда отлежитесь. – Александра придвинула пачку, найденную на тумбочке, к банке с водой. – Хотелось бы знать, кто вас угостил, какой гад... Ну, я пошла.

Она уже сделала шаг к двери, когда ее остановил возглас реставратора:

– К тебе там кто-то пришел!

– Точно? – обернулась Александра. – Ко мне, наверх?

– К тебе, на чердак, – подтвердил мужчина. – Я думал, ты дома, вы встретились... А тут ты идешь... Значит, он там до сих пор на лестнице ждет!

Озадаченная Александра задала несколько вопросов и вы-

яснила детали. Сергей Петрович вернулся от друга, чуть не насильно его угостившего, около часа назад. Точнее он сказать не мог, так как ни часов, ни телефона у него давно не водилось. Поднявшись на два лестничных пролета, старый реставратор вдруг почувствовал себя так плохо, что был вынужден присесть на ящик в углу под окном. Сколько Сергей Петрович там просидел, он опять же сказать не мог, потому что задремал. Разбудил его проходивший мимо мужчина. Тот впотымах ушиб ногу об угол ящика, выругался и спросил, есть ли тут кто?

– Я посоветовал осторожнее бегать, ступеньки-то не в порядке, недолго ногу сломать. Тогда он извинился и спросил о тебе. Как пройти, дома ли ты? Я его послал наверх. Сказал – в мансарде железная дверь.

– И он не спустился оттуда? – взволнованно спросила Александра.

– Разве что я опять задремал... – усомнился Сергей Петрович. – Да нет, я уж не спал. Сердце разболелось. Потом ты пришла.

– Побегу, может, еще застану! – Александра открыла дверь. – А к вам утром загляну. Принесу чаю. Надеюсь, на опохмелку у вас денег нет? И очень хорошо!

Попрощавшись, женщина торопливо пошла вверх по лестнице. Поднявшись на четвертый этаж, поравнялась с двумя закрытыми нежилыми мастерскими и остановилась. Александра прислушивалась, вглядываясь в темноту. Навер-

ху было мертвенно тихо и черно. Ни шороха, ни вздоха, ни огонька сигареты. До этой секунды она думала о Лыгине, ей почему-то показалось, что ждать ее может только он. Но сейчас женщина спросила себя, откуда у нее взялась такая уверенность?

Ей оставалось миновать последний отрезок лестницы – длинный, самый крутой, с грохочущими железными ступенями. «Почему я решила, что там Лыгин? Почему вообразила, что он будет искать встречи?» Внезапно увлажнившими пальцами она тронула кнопку нагрудного кармана куртки. Там лежала подвеска из темного металла. Бафомет, двуликое божество Жака де Моле. «Лыгин должен прийти за подвеской!»

– Это вы, Дмитрий Юрьевич? – струсив, негромко окликнула она темноту.

Ответа не последовало.

– Есть там кто, наверху?

На дне сумки по-прежнему болтался фонарик, но батареек она так и не заменила. «Сергей Петрович просто заснул и не слышал, как тот человек ушел. Зачем стоять и ждать столько времени в темноте, на холоде?»

Александра медленнее обычного поднималась по ступенькам, осторожно ставя ноги, держась за шаткие перила, бессознательно стараясь производить меньше шума, хотя в этом не было никакого смысла. «Девять, десять, один-

надцать, – считала она про себя ступеньки в кромешной тьме. – Тринадцать, четырнадцать. Я однажды сломаю ногу или шею. Завтра куплю батарейки и заряджу фонарь! Шестнадцать, семнадцать, все!»

Остановившись перед дверью, она достала из кармана ключ. Провела пальцами по влажноватому стальному листу, которым была обита дверь, привычно нащупала замочную скважину. В следующий миг ключ упал на пол, и Александра издала вопль, оглушивший ее саму.

В темноте, вкрадчиво и безмолвно, кто-то коснулся ее руки.

Глава 4

...Три года назад она по случаю приобрела ящик старинных обливных изразцов, иранских и самаркандских. Ящик поселился рядом с тахтой, на которой Александра обычно разбирала мелкие приобретения. Вечерами, включив сильную настольную лампу, она сортировала изразцы. Женщина знала, что они прибыли на машине прямым из Узбекистана, и предполагала, что изразцы либо нелегально добыты на законсервированных раскопках, либо вообще украдены из запасников не слишком бдительного краеведческого музея. В ящике, среди вполне заурядных плиток, нашлось несколько поистине прекрасных образцов персидской керамики. Александра несколько месяцев не находила в себе сил расстаться с ними, любуясь ни с чем не сравнимым бирюзово-млечным прозрачным оттенком глазури.

Точно такого же цвета были глаза молодой девушки, склонившейся над художницей. До странности широко посаженные, чуть раскосые, цвета персидской бирюзы.

Это было первое, что осознала Александра. Сознание вернулось к ней вместе с ярким светом, сильной головной болью и чувством неудобства во всем теле. Потом она увидела другие склонившиеся над ней лица и села, изумленно озираясь.

С площадки ее перенесли в мастерскую, и кроме незнакомой девушки, вокруг собрались все немногочисленные со-

седи, обитающие в выморочном подъезде. Не явился лишь Сергей Петрович, очевидно, успевший крепко уснуть. Зато прибежали скульптор Стас, занимавший большую мастерскую на третьем этаже, в сопровождении своей верной домработницы, старухи тети Мани, и Рустам, художник со второго этажа.

– Как я испугалась! – звонко воскликнула девушка, заправляя за ухо выбившуюся прядь пышных рыжих волос.

Прядь немедленно выскочила обратно. Волосы, роскошные, упруго струящиеся по плечам, явно раздражали незнакомку. Вытащив из кармана куртки стальную заколку, она, кляцнув, скрепила над ухом непослушную прядь и посмотрела на Александру с непонятным вызовом.

– Это вы меня схватили за руку? – спросила Александра, окончательно опомнившись.

– Я не хватала, – обиженно проговорила девушка. – Я только пыталась вас остановить, чтобы вы на меня не наткнулись.

– А почему молчали?! Я же спрашивала, кто там, наверху? Девушка заметно смутилась. Запустив пальцы обеих рук в волосы, она скрутила несколько прядей в два толстых жгута, на манер бараньих рогов, подергала, словно проверяя, крепко ли они держатся, и наконец призналась:

– Не знаю. Правда, глупо вышло.

– Ну, если бы у вас действительно «вышло», вы бы меня на тот свет отправили!

Александра поднялась на ноги и направилась в отгороженный досками угол, заменявший кухню. Включив плитку, она налила в турку воды. После коньяка, которым угощал ее Олег, ей страшно хотелось пить.

– Все в порядке? – спросил скульптор Стас, почесывая волосатую грудь, видневшуюся из-под шелкового китайского халата, украшавшего его могучий торс зимой и летом. Спрашивал он хозяйку мансарды, а глаз не сводил с девушки.

– И нечего было орать! – заявила тетя Маня, обнажая в презрительной улыбке железные зубы и с треском вставляя в них мундштук с папиросой. – Вечно всех на уши ставишь из-за ерунды.

– Спокойной ночи, – не оборачиваясь, ответила ей Александра. Обычно старуха забавляла ее своей беспричинной ненавистью, проявлявшейся по-детски наивно, но сегодня у женщины не было настроения с ней пикироваться. – Всем спасибо, что пришли. А то иной раз сомневаюсь, услышит ли меня кто, если я закричу, или придется пропадать?

– Я думал, тебя режут, – высказался Рустам и, одолжив несколько сигарет, удалился первым.

Тетя Маня помедлила на пороге, дожидаясь своего подопечного, которого лелеяла и нянчила, как ребенка, несмотря на зрелый возраст скульптора и его далеко не детские вкусы и привычки. А Стас никак не мог оторвать взгляда от девушки, от ее чудесных волос. Незнакомка стояла неподвижно, как статуя.

– Вы не натурщица, случайно? – не выдержал он, игнорируя грозные взоры старухи.

– Что? Вы мне? – очнулась девушка, устремив на него взгляд туманных бирюзовых глаз.

– Стас, иди, это ко мне пришли, не к тебе. – Александра на правах хозяйки потеснила соседа к выходу.

– Если вы позируете, я как раз ищу ваш типаж... – раздалось уже с лестничной площадки, когда закрывалась дверь.

Шум спускающихся шагов в подъезде утих, и Александра вернулась к плитке. Всыпав кофе в закипевшую воду, она сняла турку с раскаленного диска и принялась медленно помешивать гущу длинной ложечкой. На девушку художница демонстративно не обращала внимания, ожидая, не заговорит ли та сама. И тактика сработала. Гостья еще раз ожесточенно дернула себя за волосы, отпустила их и робко спросила:

– Почему вы не спросите, кто я?

– Потому что боюсь вновь услышать ваш потрясающий ответ «Не знаю!» – бросила Александра. – Ничего невероятнее в жизни не слышала! Вы стоите наверху, у моей двери, слышите, что я иду, спрашиваю, кто там... И ни звука! Вместо этого предпочитаете схватить меня за руку и отправить в нокаут!

– Я прошу прощения... – чуть не со слезами ответила девушка. – Я так растерялась, когда вы назвали имя папы... Хотела затаиться и удрать потом потихоньку... Я сама вас

испугалась... Мне показалось, что вы вот-вот сшибете меня в темноте, и только вытянула руку... И после прерывистого вздоха закончила: — Я вечно попадаю в такие глупые истории.

— Вы дочь Дмитрия Юрьевича?! Лиза?!

Девушка кивнула, не поднимая головы. Александра помедлила секунду, осмысливая услышанное, взглянула на часы и нахмурилась.

— Почему вы здесь в такое время, одна? Уже третий час ночи!

— Я должна была вас увидеть, — пробормотала гостя.

— Непременно должны были? — не сдержав улыбки, уточнила Александра. — А почему хотели сбежать?

— Я вдруг подумала, что вы... Что, может, вы мне сказали неправду и вы все-таки любовница папы...

Женщина засмеялась, громко и не очень искренне.

Она почувствовала, что к щекам прилила кровь, и рассердилась — не то на себя, не то на эту рыжую девочку, годящуюся ей в дочери. «Но ни дочери, ни сына у меня никогда не будет. Может, поэтому я, встретив кого-то не старше двадцати лет, на миг представляю этого человека своим ребенком — вот как ее сейчас...»

— Сколько вам лет, Лиза? — спросила Александра.

— Девятнадцать.

— А мама знает, что вы отправились в эту трущобу совсем одна? Кстати, как вы мой адрес узнали?

– Мама ничего не знает. – Девушка неожиданно улыбнулась. – Я уже не маленькая, два года, как живу отдельно. А ваш адрес нашелся в записной книжке, в телефоне у папы. Правда, там было только название переулка и номер дома. Я все гадала, почему нет квартиры, а теперь понимаю. Дом идет под снос? Вы живете тут нелегально?

Она с нескрываемым ужасом разглядывала захламленную мансарду, и впрямь ничуть не походившую на жилище современного человека. Александра тем временем изучала Лизу. Худое востроносое лицо, скорее странное, чем миловидное. Очень белая кожа, какая бывает только у рыжих. Ресницы и брови золотистого цвета. Из сотни обладательниц таких ресниц девяносто девять девушек накрасили бы их перед выходом из дома. Но Лиза оказалась той самой сотой оригиналкой, которая не сделала этого. Губы тонкие, бескровные, едва-едва розоватые. «Нервы или анемия, – сделала вывод Александра. – Или то и другое вместе». То, что у новоиспеченной знакомой были не в порядке нервы, можно было догадаться и по тому, что та никак не оставляла в покое свои прекрасные волосы. Худые, узловатые пальцы девушки крутили, дергали, тянули рыжие пряди, словно боролись с клубком змей, стремящихся расползтись по ее плечам и спине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.